

IV РОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС

Том I

тематическая конференция
«ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ»
(сборник материалов)

Москва
2020

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
Институт экономики РАН, Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова,
Московская школа экономики МГУ им. М. В. Ломоносова

IV РОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС

Том I
тематическая конференция
«ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ»
(сборник материалов)

Сопредседатели программного комитета
Е. Т. Гурвич, В. М. Полтерович, А. Я. Рубинштейн

Москва
2020

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
Институт экономики РАН, Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова,
Московская школа экономики МГУ им. М. В. Ломоносова

IV РОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС

Том I
тематическая конференция
«ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ»
(сборник материалов)

Составители
Д. А. Веселов, Г. Д. Гловели, А. М. Либман

Москва
2020

УДК 330.1

ББК 65.01

ISBN 978-5-9940-0683-2

IV Российский экономический конгресс «РЭК-2020». Том I. Тематическая конференция «Политическая экономия» (сборник материалов) / Составители Д. А. Веселов, Г. Д. Гловели, А. М. Либман. – М., 2020.

Все тексты публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-9940-0683-2

Москва
2020

СОДЕРЖАНИЕ

Основная программа РЭК-2020

Баркова Е.А. Функции финансового капитала в современной российской экономике...	7
Бузгалин А. В. Потенциал российской классической политической экономии в решении актуальных проблем современной экономики (памяти В.Т. Рязанова).....	11
Булганина С.Н. Экономические субъекты буржуазного социума: глобализация.....	14
Vasilyeva O. Libman A. Can Communist Modernization Strengthen Democracy? Legacy of the Baikal-Amur Mainline	18
Веселов Д.А. Яркин А.М. Экономические детерминанты фундаментальных реформ	20
Воейков М.И. Политическая экономия в российской традиции: От Посошкова до Абалкина	25
Деленин А.А. Три формы управления и планомерность.....	33
Дроздов О.А. Феномен неравенства: аналитический потенциал неомарксистского синтеза.....	38
Елецкий Н.Д. Модификация объекта и структуры политико-экономического знания: специфика глобальной политической экономии	42
Карасёва Л.А. К вопросу о механизме «неомарксистского синтеза»	46
Красникова Е.В. Контуры новой экономической системы, формирующейся в недрах капитализма	51
Левин С.Н., Саблин К.С. Мотивация представителей власти и «предпринимателей» в современной России: политико-экономический анализ.....	55
Маслов Г.А. Техничко-экономические основы новой волны деглобализации	59
Мариёв О.С., Нагиева К.М., Пушкарёв А.А., Давидсон Н.Б. Влияние институтов на инновационную деятельность предприятий в России: что остаётся за рамками индекса Doing Business?	63
Миропольский Д.Ю. Товар, номенклатура и всемирно-историческая противоположность капитала и плана	67
Павлов Н. Dynamic Model of Macroeconomic Populism Policy	70
Пашков В.П. Производительные силы в понимании К. Маркса и Ф. Энгельса.....	72
Пороховский А.А. Национальный интерес как экономическая категория	79

Протасов А.Ю. Реабилитируя гипотезу С.Кузнецца: «короткий XX век», динамика неравенства и распределительные конфликты	82
Румянцева С.Ю. Понятие особенного в политической экономии В.Т.Рязанова	86
Сорокин А. В. К построению общей модели современной рыночной экономики: реконструкция предмета и модернизация метода «Капитала» Маркса	90
Ушанков В.А. Классическая политическая экономия и постэкономическое хозяйство	94
Хубиев К.А. О кризисе неоклассической теории и альтернативах	98
Щукин В.В. Политическая экономия клиентелизма: теоретико-игровой подход	102
Эпштейн Д.Б. Какие производственные отношения в России препятствуют развитию производительных сил	106

Функции финансового капитала в современной российской экономике.

При определении стратегии развития российского общества необходимо учитывать преобладание формирования капиталистических отношений, логику их становления и развития в России. В связи с чем, становится необходимым изучение природы российского капитализма в Марксовой традиции исследования экономических систем как конкретно исторических ступеней развития человечества. Это относится, в первую очередь, к вопросу о характере, формах и функциях капитала как всеобщей основы воспроизводства и развития современной российской экономики. Так сложилось, что исторически первоначальной формой российского капитала явился финансовый капитал.

Финансовый капитал является исторически конкретной формой капитала, возникшей на определенной ступени развития капитализма. Будучи по происхождению, с одной стороны, сращенной формой промышленного, торгового и банковского капитала, с другой – превращенной формой акционерного капитала, финансовый капитал по мере своего развития становится одновременно и всеобщей формой капитала, и особой формой функционирования общественного капитала – капитала, приносящего проценты.

Двойственная природа финансового капитала обуславливает двойственность его функций: финансовому капиталу присущи «родовые» функции (которые обусловлены его природой как сращенной формы особых капиталов) и «исторически приобретенные» функции как капитала, приносящего проценты (перераспределительная и спекулятивная).

Являясь всеобщей формой капитала, современный финансовый капитал воплощает (заключает) в себе все содержание особых видов капитала (промышленного, торгового и капитала, приносящего проценты), реализуя и развертывая в них свои «родовые» функции как сращенной формы обособленных видов капитала: производство стоимости, опосредование реализации стоимости и обеспечение непрерывности процесса воспроизводства. С развитием финансового капитала как всеобщей формы капитала усиливается взаимозависимость и взаимосвязь обособленных форм капитала, а расширенное воспроизводство отдельной формы общественного капитала становится возможным при беспрепятственном движении другой обособленной формы капитала. При этом, обостряется конкуренция между взаимозави-

симыми единичными капиталами в борьбе за перераспределение созданной стоимости, приходящуюся на величину капитала, которую они представляют.

В российской экономике отсутствовали необходимые предпосылки для возникновения финансового капитала, такие как банковский, акционерный и промышленный капитал. Российский финансовый капитал возникает из неадекватных ему оснований («докапиталистических» по существу форм отношений, в частности, «ростовщического» капитала) и продолжает их же воспроизводить и в современной экономике, что находит выражение в формах реализации его функций.

В отечественной экономике «родовые» функции финансового капитала как сращенной формы обособленных капиталов (производство стоимости и обеспечение непрерывности производственного процесса) являются вторичными по отношению к функции капитала как капитала, приносящего проценты (прежде всего, спекулятивной и перераспределительной). Превратный (искаженный) характер формирования российского финансового капитала блокирует проводимую экономическую модернизацию в России и ограничивает развитие отечественной экономики.

Российскому финансовому капиталу присуща своеобразная диалектика, состоящая в том, что в процессе своего развития он сам создает необходимые для его существования предпосылки – ссудный и промышленный капитал. Возникнув в период залоговых аукционов в результате подчинения сырьевых предприятий банковским структурам, отечественный финансовый капитал устремляется в сферы и отрасли экономики, в которых имелись условия для экстенсивного роста капитала. Крупные сырьевые корпорации и финансовые структуры (как правило, в собственности которых находятся активы сырьевых предприятий) приобретали активы промышленных предприятий как с целью их последующей перепродажи при более благоприятной конъюнктуре, так и для обеспечения функционального движения финансового капитала. В первом случае создаются условия для возникновения промышленного капитала в качестве всеобщей формы капитала, во втором случае – возникает промышленный капитал как функциональная форма финансового капитала. Промышленный капитал в качестве функциональной формы финансового капитала возникает в отраслях, прежде всего, обслуживающих сырьевой сектор экономики (химической, нефтехимической, нефтеперерабатывающей промышленности, трубопроводного транспорта, вагоностроения, сфере услуг).

Значимую роль в процессе подчинения промышленных предприятий интересам финансового капитала играет капитал, приносящий проценты, одной из функций которого в

российской экономике становится перераспределение активов в отечественной экономике. Крупные корпоративные структуры используют денежный капитал (мобилизованный на рынке ценных бумаг и рынке банковского кредитования) для приобретения и присвоения активов промышленных предприятий, функционирующих в различных отраслях экономики.

Другой характерной для российской экономики формой господства капитала, приносящего проценты, является перераспределение денежных капиталов через кредитование инвестиционных программ промышленных предприятий. Банки, обслуживающие счета крупнейших предприятий, предоставляют кредиты различным предприятиям на различных условиях. Крупные предприятия, аффилированные с банками, получают денежные ресурсы на более выгодных условиях (по срокам кредитования, процентам по кредиту) по сравнению со средними и малыми предприятиями. Малым и средним предприятиям банки предоставляют кредит под высокий процент, возвращая крупным компаниям в качестве платы за использование их средствами процент по депозитам, процент по векселям банков и другие выплаты (Блохин, 2019).

Капитал, приносящий проценты, с одной стороны - создает условия для расширенного воспроизводства капитала крупных сырьевых корпораций (обеспечивая непрерывность воспроизводственного процесса), с другой, – усиливая задолженность средних предприятий¹ функционирующих в несырьевых отраслях экономики (пищевой промышленности, строительстве, машиностроительном и металлургическом комплексе) перед кредиторами, выполняет функцию перераспределения доходов малых и средних компаний, а в некоторых случаях и активов «закредитованных» предприятий.

Если в странах первого эшелона развития капитализма глобальный финансовый капитал распространяет свое влияние на все мировое хозяйство (что дает ему возможность перераспределять и присваивать созданную в мировой экономике стоимость), доминирование российского финансового капитала (в силу его недостаточной зрелости) ограничено отраслями и секторами национальной экономики (в силу чего, российский финансовый капитал присваивает стоимость, созданную другими секторами экономики).

При модернизации российской экономики необходимо учитывать особенности формирования и функционирования различных форм капитала, соответствующих различным

¹ А. Рыбалко, В. Сальников отмечают, что условия кредитования являются одним из факторов, воздействующих на количество банкротств в российской экономике. В частности, в 2016 – 2017 гг. число банков, смягчивших условия кредитования, оказалось больше числа банков, сделавших обратное, в сегменте кредитования крупных корпоративных заемщиков на 11,2%, в сегменте кредитования малого и среднего предпринимательства на 12,7%, а в сегменте кредитования населения на

ступеням развития капитализма, а также необходимость взаимодействия между ними. Формирование промышленного капитала как всеобщей формы капитала предполагает поддержание конкуренции и создание соответствующих институтов развития малого и среднего бизнеса, в частности, снижающих издержки организации малых и средних предприятий как организационно-экономической формы промышленного капитала. Развитие финансового капитала и формирование на его основе сектора крупных предприятий предполагает его дальнейшую экспансию и, соответственно, усиление монополизации экономики (которое служит механизмом поддержания конкурентоспособности российского финансового капитала в мировой экономике). Вместе с тем, экспансия российского финансового капитала должна основываться не только на процессах централизации капитала, что предполагает формирования соответствующих институтов, стимулирующих инвестиционную активность крупных корпораций как организационно-экономической формы финансового капитала.

Список литературы

Блохин А. (2019) Институциональная рента в многоуровневой экономике // Проблемы прогнозирования, №4(175), С. 16-27.

Кузнецов А. (2019) Развитие России в условиях финансиализации мировой экономики // Вопросы политической экономии, №4, С. 102-111.

Рыбалко А., Сальников В. (2017) Банкротство юридических лиц в России: основные тенденции. М., Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования.

Сергеев Г. (2019) Трансформация товарных отношений в условиях позднего капитализма: монополистический капитал как исходное отношение // Вопросы политической экономии, №4, С. 50-63.

35,2% (Рыбалко, 2017) В настоящее время условия кредитования промышленных предприятий (не аффилированных с крупными корпорациями) ограничивают развитие данных предприятий.

Потенциал российской классической политической экономии в решении актуальных проблем современной экономики (памяти В.Т. Рязанова)

^{*} *БУЗГАЛИН Александр Владимирович*, д. э. н., проф., профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, директор Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, визит-профессор Кембриджского и Хайнаньского педагогического университетов, главный редактор журнала «Вопросы политической экономии». E-mail: buzgalin@mail.ru. ORCID: Aleksandr Buzgalin <http://orcid.org/0000-0003-3923-8385>

Экономическая теория в 21 веке развивается преимущественно в рамках направлений, производных от неоклассики. Однако наряду с этим существует широкий круг исследований, которые относят к гетеродоксальной экономической теории. В рамках последней одну из активных ролей играет широкий спектр работ авторов, главным в методологии и теории которых остается классическое политико-экономическое направление. В мире это направление представлено многочисленными исследователями, в т.ч. представляющими такие известные международные объединения, как Всемирная политэкономическая ассоциация (WAPE), Международная инициатива по развитию политической экономии (IPPE) и др.

На постсоветском пространстве в 21 веке также развиваются теоретические направления, базирующиеся на классической политико-экономической методологии и теории; многие из представителей этих направлений участвуют в конгрессах и иных мероприятиях Международной политэкономической ассоциации стран СНГ, публикуются как в ведущих российских и зарубежных журналах, представляющих преимущественно «основное течение» экономической мысли, так и в представляющем эту ассоциацию журнале «Вопросы политической экономии».

Исследования ученых, ориентированных прежде всего на это направление, позволяют решать не только вопросы методологии и фундаментальной теории (см.: [Рязанов, 2019а; Пороховский, 2016; Мамедов, 2015; Карасева, 2018; Бузгалин и Колганов, 2019]), но и проблемы, лежащие на стыке фундаментальной экономической теории и экономических практик, включая наиболее актуальные вопросы социально-экономического развития.

Посвящая этот текст памяти недавно ушедшего от нас выдающегося ученого В.Т. Рязанова, подчеркну вклад этого автора и его коллег-политэкономов в решение такой актуальной проблемы современности, как финансиализация экономики и формирование того, что в

настоящее время квалифицируется как «долговая экономика» (см. [Рязанов, 2016; Долговая проблема..., 2014]). Политико-экономический подход позволил ученым показать причины и противоречия финансиализации, ее связь с перенакоплением капитала, исторические судьбы, обусловленность мировых кризисов перенакоплением капитала вообще и финансового капитала в частности, негативное влияние прогресса финансового капитала на развитие материального производства и социальной сферы и др.

Не менее значимой является роль ученых-политэкономов в решении проблем природы современных кризисов и преодоления стагнации на пути активного развития качественно новых технологий и реиндустриализации производства, где мы вновь хотим особо подчеркнуть вклад В.Т. Рязанова (см., напр. [Рязанов, 2019b; 2020]), а также в определении фундаментальных основ стратегии опережающего развития, ориентированной на преимущественное развитие человеческих качеств и основанной на активном использовании не только рыночных методов, но и механизмов планирования и селективного регулирования экономики.

Необходимо также подчеркнуть, что классическая политическая экономия не ушла полностью из университетов. Благодаря деятельности таких ученых, как В.Т. Рязанов, А.А. Пороховский и мн. др., курсы политической экономии не просто сохраняются, но развиваются в ведущих университетах страны (см., напр. [Бузгалин, Колганов, Барашкова, 2019]). Более того, в рамках рассматриваемого в данном тексте направления развиваются исследования молодых авторов, что указывает на наличие будущего у этого направления экономической теории, и даже такие трагические события, как уход профессора В.Т. Рязанова, при всей их драматичности, становятся новым импульсом для превращения этой трагедии в оптимистическую.

Литература

Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. В 2-х тт. 5-е изд., доп. Т.1. Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). Т.2. Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). М.: ЛЕНАНД, 2019.

Бузгалин А.В., Колганов А.И., Барашкова О.В. Классическая политическая экономия: Современное марксистское направление. Базовый уровень. Продвинутый уровень. 2-е изд. М.: УРСС, 2019.

Долговая проблема как феномен XXI века / Под ред. А.А. Пороховского. М.: МАКС-Пресс, 2014.

Карасева Л.А. Путь к интеграционному экономическому знанию: к вопросу о практической методологии марксизма // Вопросы политической экономии. 2018. № 4. С. 29-35.

Мамедов О.Ю. Десять классических принципов политико-экономического анализа // Вопросы политической экономии. 2015. № 1. С. 38-47.

Пороховский А.А. Политическая экономия в XXI веке: системный подход в решении проблем современной экономики // Вопросы политической экономии. 2016. № 4. С. 8-22.

Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. М.: Экономика, 2016.

Рязанов В.Т. Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза. СПб.: Алетейя, 2019а.

Рязанов В.Т. Новая технологическая революция: ожидания и варианты будущей модели экономики // Экономическое возрождение России. 2019б. № 4. С. 43-51.

Рязанов В.Т. Системные ограничения и возможности неоиндустриального развития экономики России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 221. № 1. С. 114-135.

Экономические субъекты буржуазного социума: глобализация

В современной глобализации нашли отражение противоречия различных уровней и сторон человеческой деятельности, внутренне иерархизованной. Иерархизация предстает как отношения между индивидами, социальными группами и институтами, которые олицетворяют эти самые уровни и стороны, пласты и планы (ракурсы) человеческой деятельности. Сделаем попытку показать «проекцию» экономических субъектов буржуазного социума на глобализацию с позиции некоторых мировоззренческих предпосылок и основ капитализма и буржуазного социума.

В том, как устроено современное глобальное сообщество, находят выражение те же самые принципы устройства человеческого бытия, которые имели место еще в архаическом, античном и средневековом социумах. Разделение Мироздания на трансцендентный и мирской порядки, Центр и Периферию, сакральный и профанный миры, «верх» и «низ», град Небесный и град Земной (Хамидов, 1992; Гуревич, 1990), - сохраняет свое значение в Новое и Новейшее время, но в преобразованном виде. Происходят стирание границ между мирами, десакрализация, «обмирщение» трансцендентного порядка и одновременное перенесение его свойств в мир повседневности. И, наоборот, сакрализации подверглись многие явления и процессы повседневного существования людей, особенно в сфере хозяйствования и политики.

Изменения в мировоззрении буржуазного человека привели к тому, что теперь уже в повседневной жизни социума сформировались пространственно-региональные и социально-структурные Центр и Периферия.

В той мере, в которой современный человек является носителем мировоззрения Нового времени, пока буржуазного по своей сути, в его деятельности также воспроизводятся основополагающие принципы устройства Мира, в том числе, в его пространственно-территориальной организации, что нашло отражение в теории «мир-экономик» (Бродель, 1992; Валлерстайн, 2001, 2002). Только теперь особенно явным становится не природно-географический, а социально-экономический и политический характер (Эткинд, 2020) пространственного бытия человека. Мы являемся свидетелями ярко выраженной персонификации «мир-экономик» и их структурных элементов (центр, полупериферия и периферия) не

только индивидами, социальными группами и институтами, но и нациями, народами, государствами.

В нынешнем своем виде глобализация является буржуазным феноменом. Общеизвестно, что ее истоки находятся в международном разделении труда, в мировом рынке и мировом хозяйстве. А эти явления и процессы сами суть проявление и продвижение капитализма, на основе его же производительных сил, за пределы национальных хозяйств и государств. Мировое хозяйство можно рассматривать как продукт капиталистической экономической системы, в свою очередь, глобализация - это продукт буржуазного социума, т.е., всей системы буржуазных отношений и, в том числе, буржуазного мировоззрения и буржуазных ценностей.

Глобализация, в основных своих чертах, обнаруживает сходство с ранними этапами становления капитализма. Повторяя логику становления буржуазного социума, наиболее выраженно проявившуюся в структуре экономики и в структуре субъектов хозяйственной деятельности, экономической политики правительств тех стран, называемых первым и вторым эшелонам капитализма. Глобализация может быть представлена как процесс «обуржуазивания» планетарного пространства: в пространственной схеме современного мирового хозяйства и сообщества мы наблюдаем похожие элементы: «узкий центр», «второстепенные, довольно развитые области» и «огромные внешние окраины».

Пространство глобальной экономики социально - экономически сегментировано и социально дифференцировано как в центре, так и на периферии. Сами центры меняют свое местоположение (не только в физическом смысле) в зависимости от степени освоения страной, регионом, или социальной группой новых технологий - производственных, управленческих, политических. При этом функционально сегменты глобальной экономики взаимозависимы и взаимосвязаны таким образом, что функции центра и периферии - разные. Более того, разными сегментами представлены и разными социальными группами и индивидами персонифицированы субстанция (накопление капитала, цепочки добавленной стоимости) и функция (создание и распространение новых технологий) капиталистического производства в глобальной экономике.

Глобализация в контексте структурирования экономических субъектов буржуазного социума (индивидов, социальных групп и институтов) - это процесс перераспределения их ролей и функций. Буржуазно-капиталистические производственные отношения смогли развиться благодаря индивидуальной хозяйственно-экономической деятельности и активности

большинства населения тех стран, в которых к определенному периоду истории сложились соответствующие предпосылки для «обуржуазивания» форм и структур общественной и частной жизни. Капитализм, с точки зрения его субъектов, исторически начинается с деятельности индивидуального частного (обособленного) предпринимателя. Логика развития капитализма содержит в себе логику замещения индивидуального субъекта коллективными действующими лицами - институтами: фирмами, организациями, фондами, ассоциациями и т.п. Этот процесс вытеснения - замещения индивида как основного (и исходного) хозяйствующего субъекта буржуазного социума в глобализационных процессах также противоречив, как и внутри национальных капиталистических хозяйств. С одной стороны, в таком «пространственном разделении труда», которое переходит в «общемировую связь» между «инновационными средами, центрами высококвалифицированного производства, сборочными линиями, фабриками, ... производственными комплексами» (Кастельс, 2000) все меньше места самостоятельному индивидуальному предпринимательству. С другой, - особенно в цифровую эпоху, в центр экономических систем опять становится индивид – носитель человеческого капитала и главный качественный ресурс современной экономики.

Еще противоречие. Благодаря программам, с помощью которых отдельные политические партии, правительства некоторых стран, межправительственные организации пытаются если не решить, то ослабить социальное и экономическое неравенство в мире, глобализация ускоряет подрыв или опрокидывание основ буржуазного социума. Речь идет об отрицании индивидуальной экономической свободы - пользоваться (каждому) «случайным (не гарантированным – С.Б.) характером» «жизненных условий» (К. Маркс) и принимать решения в отношении этих условий, - и индивидуальной деятельной активности большинства. В то же время глобализация - экспансия капитала в качестве общественной формы производства, предполагает трансляцию буржуазных мировоззренческих установок и системы ценностей (Шваб, 2017).

Таким образом, если мы выходим за пределы понимания глобализации как безграничного движения товаров, капиталов, технологий и рабочей силы (в рамках прежней «ментальной модели») (Болдуин, 2018), и рассматриваем ее при этом как процесс трансляции соответствующего мировоззрения и ценностей, то возникает вопрос: кто субъекты глобализации?

Смогут ли Мировые центры, наиболее весомые «узлы» в иерархии сетевой (цифровой) экономики, концентрируя у себя все виды качественных ресурсов, в то же время, вос-

производить самостоятельно те ценности, идеалы и смыслы, на которых строилась буржуазная цивилизация, в том числе и свободу, и ответственность каждого индивида? Какова будет новая структура экономических субъектов, формирующихся в ходе глобальных трансформационных процессов?

Литература

- Болдуин Р. Великая конвергенция: информационные технологии и новая глобализация / Ричард Болдуин; пер. с англ. О. Левченко; под науч. ред. А. Белых. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 416 с.
- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. 3. Время Мира. М., 1992. – 679 с.
- Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Изд-во «Университетская книга», 2001.
- Валлерстайн И. Глобализация или переходный период? // Экономические стратегии. 2000. № 2. С. 15-26.
- Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолствующего большинства. - М.: Искусство, 1990. – 396 с.
- Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
- Хамидов А. А. Категории и культура. – Алма – Ата: ГЫЛЫМ, 1992. – 240 с.
- Шваб К. Четвертая промышленная революция: перевод с английского / Клаус Шваб. - М.: Издательство «Э», 2017. – 208 с.
- Эткинд А. Природа зла. Сырье и государство / Александр Эткинд. - М.: Новое литературное обозрение, 2020. – 540 с.

Olga Vasilyeva
Economic Research Institute, Blagoveshchensk

Alexander Libman
Ludwig Maximilian University, Munich

Can Communist Modernization Strengthen Democracy? Legacy of the Baikal-Amur Mainline

Economic, political and social development is characterized by a very high level of persistence, in spite of the apparent historical discontinuities – wars, revolutions and collapse of countries and political regimes. This is a fundamental finding of a large literature in economics and other social sciences exploring the role of historical legacies as a factor of well-being, political behavior or attitudes. For the Russian context, the legacy of the Communist regime appears to be an intuitive and potentially relevant variable. Yet from the theoretical perspective, conceptualizing long-term impacts of the Communist legacy is not a trivial task. On the one hand, attitudinal and behavioral legacies of the Communist regimes have been frequently shown to be associated with anti-market and anti-democratic norms and persistence of authoritarian rule. On the other hand, however, many policies of the Communist regime can be interpreted through the lens of the modernization paradigm. Increasing urbanization and education level of the population, Communist regime could have unintentionally contributed to the formation of democratic values and attitudes. An obvious problem with an empirical investigation of this question is that Communist legacies are correlated with the pre-Communist characteristics of territories or endogenous to other unobserved factors.

The goal of this study is to investigate the legacies of the developmental policies of the Communist regime using a natural experiment. For this purpose, we look at the experience of construction of the Baikal-Amur Mainline (BAM) in the Amur Oblast (Russian Far East). BAM was a major project implemented by the Communist regime, with the main emphasis on its construction in the 1970s and 1980s. Many workers constructing the BAM were recruited through the Communist Youth Union (Komsomol) and came from the European part of Russia, partly from urban centers including Moscow and Leningrad. As the construction of the BAM took decades, many of these originally temporary migrants stayed in the cities along the BAM. An important feature of the BAM for our study is that the railroad's location is determined by purely exogenous factor - distance from the Chinese border, which was then perceived as a potential threat. BAM was constructed in deso-

late areas with little or no population. As a result, there existed no pre-Communist legacies potentially biasing the results of the investigation of the BAM effect. Since the factors influencing the location of the BAM (particularly in the Amur Oblast) were orthogonal to other factors potentially influencing contemporary political and social outcomes, we can treat BAM as a natural experiment, allowing the causal identification of the effects in question.

We estimate two tests, first comparing settlements along the BAM with other settlements of the same district (rayon) of the Amur oblast, and second comparing the locations along the BAM with those along the Transsib. The first test reduces unobserved heterogeneity by looking only at settlements in a particular narrowly defined part of Russia; the second compares settlements along two major railroads with very different history – while the BAM settlements were constructed by the Communists, Transsib settlements were to a large extent an outcome of colonization of Siberia under Tsarist rule, and while the Transsib itself was implemented as a centralized project, the settlements to some extent grew under the influence of market forces. As our dependent variable, we use the share of votes received by United Russia in the settlement during the federal parliamentary elections of 2016.

We find that in 2016, settlements located along the BAM were characterized by significantly lower shares of votes cast for United Russia than both control groups. Given the exogenous location of the settlements, we interpret the effect as causal. To isolate the possible effect of the Soviet legacies from another important alternative explanation – the hardship of the 1990s, which could have hit badly the settlements – we control for the population decline over the 1990s at the settlement level, yet we are able to confirm our findings. In addition, we find that settlements along the BAM are characterized by higher Unified State Exam scores of high school students. This suggests that the BAM project resulted in an import of human capital to the region, which in the long run makes the mobilization of the population through political machines more difficult and thus reduces the leverage of the incumbents. Communist modernization – somewhat unexpectedly – reduces the power of machine politics and the success of authoritarian consolidation.

Веселов Д.А.²
НИУ ВШЭ
Яркин А.М.³
Университет Браун

Экономические детерминанты фундаментальных реформ⁴

Предложенная в данном докладе позволяет определить взаимосвязь между экономическим неравенством и экономическим ростом в исторической перспективе. Текущие исследования, показывают, что высокая концентрация земли препятствует индустриализации (Galor et al (2009)), в то время как концентрация капитала способна ускорить индустриализацию (Веселов, Яркин (2016)). Предложенная в данной работе модель позволяет утончить роль наделенности землей и капиталом на результаты политической борьбы и, следовательно, на экономический рост на этапе индустриализации. Модель позволяет различать внутригрупповое и межгрупповое неравенство в распределении капитала: эти две меры имеют разные (иногда противоположные) эффекты в зависимости от стадии индустриализации. Основные результаты модели объясняют дивергенцию в экономическом развитии европейских стран и стран исламского мира, а также различия в моменте перехода к устойчивому росту в странах Европы.

1. Базовая структура модели

Рассмотрим двухсекторную модель перекрывающихся поколений (OLG) где каждое поколение живет в течение двух периодов. Домохозяйства делятся на два класса: землевладельцы (Λ) и безземельные капиталисты. В первый период своей жизни люди не принимают никаких решений: они получают лишь наследство в виде капитала и земли, b_t^i и T^i . Второй период жизни делится на два подпериода: предконфликтный и постконфликтный. В первом подпериоде второго периода агенты поставляют одну единицу труда на рынок, Затем факторные доходы распределяются обратно их владельцам (заработная плата w_{t+1} , арендная плата за землю, $\rho_{t+1,1}$ и доход на капитал, $R_{t+1,1}$. Наконец, в конце первого подпериода лю-

² Веселов Дмитрий Александрович – доцент департамента теоретической экономики НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник международной лаборатории макроэкономического анализа НИУ ВШЭ, dveselov@hse.ru

³ Яркин Александр Михайлович – докторант университета Браун, США.

⁴ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ и субсидии в рамках господдержки ведущих университетов Российской Федерации "5-100" в 2020.

ди могут участвовать в политическом конфликте и инвестировать часть доходов ($e_{t+1,1}$), в лоббировании политики повышения производительности современного сектора сохранения статус-кво. Исход этого конфликта влияет на относительную производительность двух секторов во втором подпериоде второго периода, и как следствие, на факторные доходы. Таким образом, в первом подпериоде индивиды распределяют свои доходы на потребление ($c_{t+1,1}$) и инвестиции в политическом конфликте $e_{t+1,1}$:

$$w_{t+1,1} + k_{t+1}^i R_{t+1,1} + T^i \rho_{t+1,1} = c_{t+1,1} + e_{t+1,1} . \quad (1)$$

Доходы второго подпериода распределяются между потреблением $c_{t+1,2}^i$ и наследством b_{t+1}^i .

$$w_{t+1,2} + k_{t+1}^i R_{t+1,2} + T^i \rho_{t+1,2} = c_{t+1,2}^i + b_{t+1}^i . \quad (2)$$

Агенты имеют функцию полезности следующей формы

$$U(c_{t+1,1}^i, c_{t+1,2}^i, b_{t+1}^i) = (1 - \beta) \ln c_{t+1,1}^i + \beta (1 - \beta) \ln c_{t+1,2}^i + \beta \ln b_{t+1}^i . \quad (3)$$

Агенты максимизируют (3) с учетом следующих двух бюджетных ограничений (1), (2).

Экономика состоит из двух секторов: традиционного (Т) и современного (М). Традиционный сектор использует землю T и труд L_T в качестве факторов производства и описывается следующей технологией Кобба-Дугласа.

$$Y_{T,t} = A_{T,t} T^\alpha L_{T,t}^{1-\alpha} , \quad (4)$$

где A_T - уровень производительности Т-сектора. Современный сектор использует физический капитал K и рабочую силу L_M в качестве ресурсов. Производственная функция задана как

$$Y_{M,t} = A_{M,t} K_{T,t}^{1-\alpha} L_{M,t}^{1-\alpha} , \quad (5)$$

Рабочая сила совершенно мобильна, и совокупный продукт экономики составляет

$$Y_t = Y_{M,t} + Y_{T,t} . \quad (6)$$

В случае проведения реформ $A_{M,t}$ увеличивается в γ раз во втором подпериоде. Вероятность политики реформ зависит от объема инвестиций в политический конфликт со стороны противоположных групп интересов.

$$p_R = (\sum e_R^i) / (\sum e_R^i + \sum e_S^j) . \quad (7)$$

Задача сторонников реформ может быть переформулирована как задача максимизации следующей функции

$$\max_{e_R^i \leq I^i} W_R^i = \frac{\sum e_R^i}{E} \cdot \beta \cdot \ln \left(\frac{I_{R,2}^i}{I_{S,2}^i} \right) + (1 - \beta) \cdot \ln(I^i - e_R^i) . \quad (8)$$

Агенты, стремящиеся сохранить политику статус-кво, решают схожую задачу. Нам необходимо найти равновесие по Нэшу в данной игре в чистых стратегиях. Максимизация уравнения (8) с ограничением (2) дает следующее условие первого порядка, которое оптимально для каждого индивида i (функция реакции)

$$(e_R^i)^* = I^i - \frac{1-\beta}{\frac{E_S}{E} \cdot \Delta_R^i} = I^i - \frac{1-\beta}{\frac{E-E_R}{E} \cdot \Delta_R^i}, \quad (15)$$

где $\Delta_R^i = \ln \left(\frac{I_{R,2}^i}{I_{S,2}^i} \right)$.

Разберем экономическую интуицию полученного результата. Если агент обладает меньшим доходом, каждая единица потребления для него становится более ценной, что означает, что он менее заинтересован тратить средства на конфликт. Этот результат объясняет, почему наиболее бедные агенты не участвуют в лоббировании своих интересов. Кроме того, значимой переменной является относительный выигрыш от принятия предпочитаемой работником политики. Наконец, в решении присутствуют стандартная проблема безбилетника: усилия других, затраченные на финансирование общего блага, уменьшают стимулы агента к собственным инвестициям.

Рассмотрим теперь внутригрупповое равновесие в данной игре. Суммируя усилия (15) для каждого агента, получим, что для межгруппового равновесия верно:

$$(E_R)^* = \sum (e_R^i)_+ = \sum \left(I^i - \frac{1-\beta}{\frac{E-(E_R)^*}{E} \cdot \Delta_R^i} \right)_+, \quad (16)$$

Утверждение 1. Существование и единственность равновесия

Равновесие по Нэшу на стадии конфликта существует и единственно.

Доказательство. Так как левая часть уравнения (16) монотонно возрастает по $(E_{NB})^*$, а правая часть уравнения (16) монотонно убывает по $(E_{NB})^*$, существует и единственно равновесие, при котором $(E_R)^* > 0$. Для межгруппового равновесия верно.

$$E^* = \frac{(E_R)^*}{E^*} + \frac{(E_S)^*}{E^*} \quad (17)$$

Равновесие существует и единственно, поскольку левая часть уравнения монотонно возрастает по E^* правая часть уравнения монотонно убывает по E^* . Равновесная вероятность победы сторонников индустриализации задается как $p_R^* = \frac{E_R^*}{E^*}$.

Утверждение 2.

Более высокая концентрация капитала среди не-землевладельцев однозначно увеличивает вероятность проведения сопутствующей росту политики реформ на ранних стадиях конфликта, то есть в случае, если значительная часть агентов не инвестирует в конфликт

Более высокая концентрация капитала среди не-землевладельцев увеличивает вложения сторонников индустриализации по двум причинам, за счет эффекта дохода, за счет большей заинтересованности в победе в конфликте. Более того, сокращается сила «эффекта безбилетника», из-за которого стимулы каждого отдельного члена группы к вложению в борьбу падают при росте количества членов группы. В случае, когда значительная группа агентов не участвует в политической борьбе трансферт богатства в агента с большими доходами одновременно увеличивает общую заинтересованность группы сторонников реформ в победе в конфликте. В итоге вероятность принятия сопутствующей росту политики растет, что оказывает положительно влияние на темпы дальнейшей индустриализации.

2. Результаты модели на примере «Большой дивергенции» между странами Исламского мира и Западной Европы

Первоначально Ближний Восток был более развит с точки зрения урбанизации и технического прогресса, вопрос заключается в том, почему он не смог конкурировать с Европой и почему регион в конечном итоге потерял позиции. Одной из ключевых причин расхождений между двумя регионами является разница в склонности и способности ближневосточных торговцев и промышленников накапливать капитал и неземельное богатство. Размытость капитала и отсутствие крупных заинтересованных сторон в исламской торговле и промышленности не позволили игрокам оказать достаточное давление на традиционные элиты и способствовать институциональному и, следовательно, промышленному развитию (Kuran, 2011). Исламские законы о наследовании требуют, чтобы любая собственность или имущество были поделены между всеми близкими и дальними родственниками, что препятствовало накоплению и концентрации капитала. Отсутствие «корпорации» как правового института также усилила раздробленность капитала. Наконец, фонды, действующие в качестве убежища для частного богатства от угрозой конфискации государством (вакфы) были наиболее привлекательной формой инвестиции, но не позволяли создавать промышленный капитал (Carsunar, Kuran (2019)).

Список литературы

Яркин А. М., Веселов Д. А. (2016) Распределение богатства и политический конфликт в модели перехода от стагнации к развитию // Журнал Новой экономической ассоциации Т. 32. № 4. С. 30-60

- Cansunar, A. T Kuran (2019) Economic harbingers of political modernization: Peaceful explosion of rights in Ottoman Istanbul // *Economic Research Initiatives at Duke (ERID) Working Paper*
- Galor O., O. Moav, D. Vollrath (2009) Inequality in Landownership, the Emergence of Human-Capital Promoting Institutions, and the Great Divergence // *The Review of Economic Studies*, 76, pp.143–79
- Kuran T. (2011) *The Long Divergence: How Islamic Law Held Back the Middle East* // Princeton, NJ: Princeton University Press.

Политическая экономия в российской традиции: От Посошкова до Абалкина

Использование в России термина и понятия “политическая экономия” является отечественной научной традицией. Наверное, начиная с И.Т. Посошкова, экономические исследования в России развивались как политэкономические, хотя становление политической экономии как науки в России следует отнести на более поздний период. Отечественные исследователи за более чем 150-летний период выработали понятийный аппарат, инструментарий, набор категорий и понятий и в общем привыкли к политэкономическому дискурсу. Еще в 1818 г. будущий декабрист Н.И. Тургенев, ссылаясь на Ж.-Б. Сэя писал, что даже иностранцы, занимающиеся политической экономией, «с удовольствием замечают, что во всех российских университетах учреждены для политической экономии особенные кафедры, и что она входит в круг наук, которые были преподаваемы великим князьям российским» (Тургенев, 1937, с. 4).

Суть политэкономического подхода в отечественной (и не только в отечественной) общественной науке заключается в том, что при изучении соответствующих проблем захватываются их социальные и политические аспекты. Это не только то, что сегодня называют макроэкономикой или микроэкономикой, но и то, что в западных странах обычно изучается в курсах политики, истории и, особенно, социологии. У нас же нет такой традиции. Возможно то, что традиционно изучалось у нас политической экономией ныне отходит к институциональной экономике. Но и тут имеются некоторые сложности. Первая - пока еще институционализм даже в лучших своих представителях по масштабам и глубине не в силах конкурировать с достижениями классической политической экономии. Вторая - в нашей отечественной научной и преподавательской практике, несмотря на бурное развитие институционализма, политэкономическая традиция и ее научные накопления значительно превосходят ростки институциональной экономики. Скорее всего, следует ожидать синтеза этих ростков с обновленной политэкономией. Как писал Л. Абалкин, «возвращение к политической экономии – трудный и мучительный процесс. Он требует серьезных раздумий и переосмысливания многих стереотипов массового сознания» (Абалкин, 2009, с. 3).

Иногда говорят, что российская традиция политэкономии начинается с «Курса политической экономии» А.К. Шторха, что он был «первым российским академиком по специ-

альности политическая экономия и статистика», что его работы были широко известны на Западе и «получили высокую оценку», а «это значит, что уже в начале XIX в. российская школа экономической мысли была одним из лидеров мировой политико-экономической теории». Почему же ни у М.И. Туган-Барановского, ни у П.Б. Струве, ни у С.Н. Булгакова и других авторов, от которых действительно идет традиция российской политэкономии, про Шторха вообще ничего нет. В знаменитой книге Туган-Барановского «Основы политической экономии» есть одна сноска на Heinrich(a) Шторха как на статистического описателя хозяйственного строя России. Причем дается ссылка на его статистический труд «Historisch-statistische Gemalde des russischen Reichs», его же «Курс политической экономии», вдруг ныне ставший модным, Туган-Барановский вообще не упоминает. Что и кому Шторх преподавал? Он даже русского языка не знал. От благожелательных к нему современных авторов мы узнаем, что Шторх преподавал на французском языке историю и литературу в кадетском корпусе. Затем преподавал разные предметы великим князьям, а курс политэкономии преподавал императрице Марии Федоровне. Конечно, в этом ничего дурного нет, но нельзя же считать Марию Федоровну связывающим звеном между Шторхом и русскими политэкономистами.

В обстоятельном и педантичном исследовании Й. Цвайнерта «История экономической мысли в России», хотя сам автор придерживается уклончивой позиции и считает этот вопрос второстепенным, специально подчеркивается, что в «германской канонической литературе по истории экономических учений Шторха в большинстве случаев называют немецким экономистом», а также в «дореволюционной российской и советской литературе преобладает идентификация Шторха как немца» (Цвайнерт, 2008, с. 68). Шторх превращается в русского экономиста у тех авторов, которые обижены на сегодняшнюю вестернизацию (точнее, американизацию) российского образования, и которые патриотически встают на защиту отечественной науки. Патриотизм - чувство хорошее, но искать приоритет отечественной науки там, где его не было, слишком опрометчиво.

Кроме того, непонятно почему вдруг немец Шторх стал основателем русской политической экономии, хотя его «Курс политической экономии» был издан в 1815 г. на французском языке. А вот другой немец Христиан фон Шлёцер, который с 1801 г. преподавал политическую экономию в Московском университете, издал на русском языке свой политэкономический труд «Начальные основания государственного хозяйства, или науки о народном богатстве» в 2-х тт. уже в 1805-1806 гг. Т.е. на десять лет раньше Шторха. И, как вполне спра-

ведливо его аттестует Цвайнерт, был «первым академическим ученым-экономистом России». Но Шлёцера современные российские экономисты вспоминают намного реже.

А вот И.Т. Посошков в своей книге о скудости на 90 лет раньше Шторха писал и весьма актуальные вещи: «И купечество у нас в России чинитца вельми неправо: друг друга обманывает и друг друга обидит, товары худые закрашивают добрыми и вместо добрых продают худые и цену берут непрямую, и между собою союза ни малого не имеют, друг друга ядят, и таков си погибают... А торг дело великое!» (Посошков, 1937, с. 103). И сегодня наше «купечество» готово друг друга съесть.

Возвращаясь к российской политэкономической традиции, надо иметь в виду, что, в общем и целом, она была возвращена в лоне марксизма. Как отмечал еще Н.А. Бердяев, марксизм был процессом европеизации русской интеллигенции (Бердяев, 1991, с. 118). Российскому интеллигенту в начале XX века чтобы выглядеть современно и умно надлежало быть марксистом. Конечно, с тех пор много утекло воды. Был Сталин, который вырезал многих марксистских интеллигентов (Н. Бухарина, Е. Преображенского, И. Рубина и др.), теперь американская мысль, которая часто путает марксизм и сталинизм (Л. Мизес, Ф. Хайек). Но есть Россия, есть российская интеллигенция, пронизанная марксизмом – дело осталось за политической экономией.

Речь должна идти не о воссоздании марксистской политической экономии. Такой нет и быть не может. Маркс был критиком классической политической экономии, он создал ее завершение, вершину. Выражение «пролетарская политическая экономия» бессмысленно, ибо цель пролетариата состоит в упразднении классов и, стало быть, самого себя (Д. Лукач). Вот этот процесс уничтожения («снятия») классов и вещного мира и призвана объяснять постклассическая политическая экономия, которая корнями уходит в марксизм, т.е. в вершину классической политической экономии.

Список литературы

- Абалкин Л.И. (2009) Размышления о будущем России. – М.: ИЭ РАН.
- Бердяев Н.А. (1991) Самопознание. (Опыт философской автобиографии). – М.: «Книга».
- Тургенев Н.И. (1937) Опыт теории налогов. – М.
- Посошков И.Т. (1937) Книга о скудости и богатстве. М.: Государственное социально-экономическое издательство.

Цвайнерт Й. (2008) История экономической мысли в России. 1805-1905. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ.

Гармония в экономике

Гармóния - это согласование разнородных и даже противоположных элементов. В качестве науки о гармонии выступает триалектика. Мир не дуален, а триадичен, в нем непрерывно происходит развитие – рождение «нового». В мире существуют не только два противоположных начала, но и третье, являющееся их гармоническим синтезом. Развитие описывает триадная парадигма. Согласно ей существующие в мире противоположности разрешаются рождением «нового» (третьего), которое является гармоническим синтезом разрешающихся противоположностей. Триалектика является более продвинутым знанием по сравнению с диалектикой, поскольку она дополнительно учитывает феномены компромисса и гармонии.

На основе триалектики обсуждается проблема гармонического развития экономики. Гармония подразумевает разрешение противоположностей как в самой экономике, так и в экономической науке. Разрешаются противоположности: «общенародная–частная собственность» через коллективистские (кооперативные) формы собственности; «плановая–рыночная экономика» через смешанную планово-рыночную экономику; «богатство–бедность» через средний класс; «экономическая свобода–социальная справедливость» через экономическую свободу для социальной справедливости; «человек для экономики–экономика для человека» через гуманизацию экономики; сырьевое–не сырьевое развитие» через постсырьевое (ресурсно-инновационное) развитие. И другие.

Либерализм и социализм имеют дисгармоничную экономику. Определенному экономическому строю (базису) отвечает соответствующая ему надстройка, которая его поддерживает и развивает. Гармония в экономике подразумевает и гармонию в обществе – строй социального гуманизма. Социогуманизм является гармоническим разрешением противоположности капитализм–социализм. От социализма берется цель – гармоничное развитие человека, от капитализма способ ее реализации – регулируемый рынок. Может быть, впервые учение социального гуманизма строится дедуктивным методом: от общей теории социоприродного развития к социуму и человеку. Тем самым оно имеет научный фундамент и лишено недостатков обычно используемого индуктивного метода.

Определенному экономическому строю (базису) отвечает соответствующая ему надстройка, которая его поддерживает и развивает. Гармония в экономике подразумевает и гар-

монию в обществе – строй социального гуманизма. Таким образом, социогуманизм следует не только из законов социоприродного развития, но и обосновывается через экономику.

Согласно эргодинамике (естественно-гуманитарная наука, изучающая процессы развития с самой общей энергетической точки зрения) основным индикатором состояния социума («функция состояния») — его национальное богатство (другие термины - национальный, государственный или региональный капитал, капитал мир-системы). В эргодинамической трактовке национальное богатство — это структурная энергия социума, характеризующая работу, которая совершена человеком по формированию существующей структуры социума. Национальное богатство выступает как потенциал развития, от которого зависит совершаемая в социуме «полезная» работа.

Государственный капитал определяет в стоимостном выражении все имеющиеся в стране материальные и нематериальные ценности, участвующие в процессе воспроизводства социума. В свою очередь, удельный государственный капитал в расчете на одного человека (долл./чел.) является характеристикой эволюционного уровня развития (прогресса) социума: чем он больше, тем выше уровень развития.

Здесь мы отходим от традиционной трактовки капитала, связанной с наемным трудом и прибавочной стоимостью – факторами капиталистического производства. Мы не строим теорию капитализма – мы строим теорию социоприродного развития. В связи с этим отметим следующее. Слово «капитал», по существу, не несет социальной или политической нагрузки. Это – всего лишь богатство, благо; не только материальное, но и интеллектуальное, и духовное. Поэтому термин «капитализм», вообще говоря, строго не отвечает строю, основанному на частной собственности и свободе предпринимательства. Правильнее называть такой строй либеральным. Капитал же присутствует при любом политическом строе.

Нами детально рассматриваются следующие составляющие государственного капитала: природный, физический, социальный и человеческий. Природный капитал, в свою очередь, складывается из палеокапитала (месторождения полезных ископаемых) и экокапитала (возобновляемые ресурсы биосферы). Природный капитал определяет в стоимостном выражении все имеющиеся в стране природные ресурсы, как возобновляемые, так и не возобновляемые. В свою очередь, физический капитал характеризует все произведенное в социуме материальное богатство. Человеческий капитал - это условная стоимость человеческого фонда, а социальный – социального (социальных структур).

Следует подчеркнуть следующее принципиальное обстоятельство. Нам не известна ни цена человека (человеческий капитал), ни социальных структур (социальный капитал), ни природного экапитала. Поэтому применить рыночный метод расчета этих капиталов представляется невозможным. Это относится вообще ко всем компонентам странового капитала, не вовлеченным в рыночный оборот.

Рыночный метод расчета природного палеокапитала также не удовлетворителен. Например, падение цен на нефть означает, согласно рыночному методу, уменьшение капитала нефтедобывающих стран. Это, по крайней мере, странно: запасы и добыча нефти остались на прежнем уровне, то же касается работы природы по формированию нефтяных залежей и человека по добыче нефти; а национальное богатство уменьшилось. Поэтому требуются другие не рыночные (или частично рыночные) методы расчета капитала. Для этого нами вводится новое понятие - «структурные деньги».

Согласно эргодинамике критерии социоприродного развития характеризуют функционирование и развитие социума. Процесс функционирования - это производство национального богатства (национального капитала $НК$). Условие прогресса предполагает рост со временем (t) удельного производства национального капитала $ПНК$ (в расчете на одного человека за год, долл./чел. год):

$$d(ПНК)/dt > 0 \quad (1)$$

Будем учитывать четыре основных составляющих удельного Φ (в расчете на одного человека) странового капитала – физический капитал (M), человеческий (H), социальный (S) и природный (N). Тогда имеем:

$$\Phi = M + H + S + N \quad (2)$$

Каждый из капиталов определяется имеющимися фондами: материальным, человеческим, социальным и природным. Полагаем, что человеческий капитал имеет три составляющих: витальную V (характеристика физического здоровья нации), интеллектуальную I и духовную D (характеристики интеллектуального и духовного уровня нации), то есть:

$$H = V + I + D \quad (3)$$

Таким образом, анализ экономики лишь с позиции физического капитала не достаточен. Прогресс экономики не сводится только к росту производства физического капитала (*ВВП*), а имеет системный характер (условие (1)). Если рост *ВВП* не сопровождается сопряженным ростом других капиталов, то такой тип развития нельзя назвать прогрессивным. Рост *ВВП* – необходимое, но недостаточное условие прогрессивного развития экономики.

Три формы управления и планомерность

Категория политической экономии социализма - планомерная форма организации общественного производства и управление национальной экономикой связаны как сущность и формы ее проявления. Советская политическая экономия выдвинула понятие неполной планомерности. К ней относятся такие явления, как возникшая с конца XIX в. плановость в развитых странах капитализма. Она вышла за рамки фабрики, завода. Быстро выросшие монополии, картели, синдикаты, тресты означают, что планирование существует не только внутри заводской формы, что вытекает из применения науки к производству и не ограничивается покровом собственности, кусочки заранее намеченной картины будущего вида производства становятся все более крупными, в целом не охватывая всего общественного воспроизводства и противопоставляясь друг другу. Поэтому ее и определяли как неполную Хессин (1968) с.70. К неполной форме планомерности относится и государственная форма собственности, а также формы предпринимательства, связанные и сопутствующие госсобственности до тех пор и поскольку форма власти продолжала выражать интересы капитала, представлять как коллективный капиталист.

Полная форма планомерности поэтому определялась как форма, охватывающая весь объем общественного производства, поскольку начиналась с центра и исключала раздробленность и противопоставление проведения плановых действий.

Кроме того, указанные действия монополий означали, что в действии закона стоимости происходят такого рода изменения, которые получили характеристику «подрыва» товарного производства. Иначе говоря, используются цели и инструменты, выходящие за его границы.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что разграничение на неполную и полную форму планомерности аналогично выделению единичной, развернутой и всеобщей форм стоимости в «Капитале» К.Маркса. Иначе говоря, в том и ином случае речь идет о так называемой «экономической клеточке», самом простом экономическом отношении способа производства, капиталистическом у К.Маркса, социалистическом как начальной стадии коммунистического способа в учебнике Н.А.Цаголова, где вместо собственности как основы нового строя предлагалась вначале категория планомерности, а позднее «плановое хозяйство» Курс политической экономии (1974) с.90.

Особый интерес в этой связи представляют именно формы проявления исходного отношения. Н.А.Цаголов предложил разграничивать открытые и латентные формы экономических связей. Латентные формы в эпоху развития товарных и ранних капиталистических отношений и распада сословных связей кажутся вполне феодальными, выступают под шапкой прошлых эпох, хотя уже выполняется частично ряд условий нового времени. Например, на место феодальных, сословных отношений приходят отношения рыночные. Так, откупщики в абсолютистской Франции выплачивали казне налоги за область, получая затем право собрать их с населения. Чем не коллекторы?

Отсюда вытекает необходимость анализа также и форм управления как таковых. Во-первых, традиционно под управлением понимают управление личностное, осуществляемое единым субъектом и зависящее от его знаний, умений, опыта и интуиции. Так, осуществляемые реформы, как правило, носят имена реформаторов, курирующих их проведение (Бисмарк, Столыпин, Аденауэр и др.). Во-вторых, в XX веке получило развитие макроэкономическое управление при помощи безличных инструментов. Разумеется, прежде всего речь идет о макроэкономическом управлении Центральными банками, однако сюда же явно относится и деятельность антимонопольных комитетов. Иначе говоря, количество институтов и инструментов безличного управления возрастает, а также объем выполняемых действий. В-третьих, системы автоматизации производства, логистики начинаются на уровне предприятия, и все в большей степени доходят до национального уровня. Однако понятно, что автоматизация всех процессов производства благ исключает социальный смысл труда, остаются его технические параметры.

В середине XX века Дж.Гэлбрейт утверждал, что следует рассматривать в качестве однородных социальных феноменов плановую форму в «социалистических» странах и капиталистическую корпорацию в США, утверждая, что существование параллельных структур должно привести к конвергенции двух систем, что они не настолько противоположны как представляется обывателю, что они смогут «прорасти» друг в друга. Подчеркивая, в чем отличие планирования в СССР от планирования в США, Дж.Гэлбрейт указывал, что в одном случае оно исходит от государства, поэтому для него характерна централизация, а в другом исходит от фирмы, снизу. При этом, лучше представляя систему развитых капиталистических стран, Дж.Гэлбрейт отмечал, что основной фактор, ведущий к монополизации – устранение неопределенности, присущей рыночной экономике, а один из способов решения этой проблемы – устранение рынка Гэлбрейт (2004), то есть планирование. Однако процесс перехода

к более высокой стадии планирования в институциональном плане нуждается к демократизации самого планирования, прямого участия населения в принятии решений о сбережениях и накоплениях капитала. Дело в том, что капиталистическая фирма и капитализм внутренне связанные категории, поэтому демократизация форм бизнеса, использование надомных форм, в частности, возможно, означает не только решение конкурентных условий, но и осуществление переходных процессов от классического капитализма к более высокому состоянию общества.

Отметим и то обстоятельство, что в связи с процессами планирования находятся и формы управления обществом и экономикой. Так, история управленческой мысли до настоящего времени включает в себя формы, включающие такие методы, которые относятся исключительно к директивным, прямым методам, смотри, например, учебник В.И.Маршева Маршев (2005) с.17-26. При этом речь идет об управлении субъектом.

Однако вопрос – как быть с теми методами, которые эволюционно развивались и в конце XIX века, но были выведены из маргинального, «латентного» состояния под влиянием процессов обобществления и освящены исследованием и именем «буржуазного Маркса» - Дж.М.Кейнса.

Очевидно, что управляемость рыночной экономики не только имеет место, но и возрастает за счет включения методов прямого и косвенного воздействия на экономику государственных органов. Важно отметить еще одно обстоятельство, фактор государственного управления не является самодостаточным. Так, на практике работают методы участия общественных структур в создании экологически чистых областей, комфортного проживания населения и др. Отсюда вытекает необходимость задаться и учебным вопросом, почему тогда экономикс (макро- и микровариант – где заданы не только теоретические основания) исключены из истории управленческой мысли?

Еще один момент, требующий раскрытия, необходимо осветить. Товар, товарная форма, «экономическая клеточка» капитализма в известном смысле индифферентна по отношению к капитализму, существовала задолго до его расцвета в виде хозяйственного уклада, обслуживая мелкое товарное хозяйство крестьян, ремесленников. Таким образом, исторически товарная форма первична по отношению к капитализму, существует задолго до капитализма и лишь созревание условий его развития делает ее всеобщей формой по отношению к производным формам, иначе говоря, и по отношению к формам, доставшимся капитализму «по на-

следству» от предшествующих формаций, а также к ряду форм, нейтральных к существующим формам.

В будущем, возможно, они могут найти соответствующий их форме тип отношений. Например, прямая форма связи между производителями и потребителями. Те и другие фирмы, но они не обращаются к рыночным отношениям, кроме функции меры стоимости. Поскольку денежная форма носит при этом всеобщий характер, то без денежной формы оценки затрат обойтись невозможно. Это надо иметь в виду. Естественно, для предприятий она оказывалась удобной с точки зрения экономии средств обращения.

Еще следует иметь в виду также интересы квалифицированной рабочей силы. Во-первых, денежная оценка в большей степени позволяет учесть ее преимущества. Во-вторых, и экономика получает из-за этого дополнительные стимулы к развитию. Отчасти «поставить на место» интересы квалифицированных работников и их самих заметны и на Западе (отчасти политика Трампа) и в российской экономике.

Тем не менее ситуация с характеристикой планового хозяйствования остается двойственной и во многом зависящей от социальной позиции исследователя. В плановом хозяйстве в отношении результата даже когда речь идет о прямых связях, результаты выступают в денежной форме, хотя их содержание включает такие элементы, которые отличны от собственно рыночных, связаны, например, с социальной направленностью экономики или с научно-техническим прогрессом, речь может идти и о других «провалах» рынка. Но, коль скоро ситуация связана с принципиальной неспособностью рынка решать определенные типы задач, то характеристика современной капиталистической экономики как плановой вполне верна. Однако верен и противоположный тезис, что экономика остаётся рыночной. Формально сохраняющаяся всеобщность товарных связей выступает аргументом в пользу такого вывода. Разные социальные силы делают такие противоположные выводы. В этом случае вопрос о готовности разнородных частей общества признавать и чужую правоту, чужие интересы становится очень важным.

Литература:

Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество: Пер. с англ. /Дж.Гэлбрейт. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2004.

Курс политической экономии. В 2-х т. Т. II. Социализм. Под ред. Н.А.Цаголова. Учеб. пособие. М., «Экономика», 1974

Маршев В.И. История управленческой мысли: Учебник. – М.: ИНФРА-М, 2005.

Хессин Н. В. В. И. Ленин о сущности и основных признаках товарного производства, М., МГУ, 1968.

Феномен неравенства: аналитический потенциал неомарксистского синтеза

В последние годы проблема экономического неравенства в постсоветской России особенно актуализировалась и глубоко исследуется, в том числе и известнейшими зарубежными учеными (Т. Пикетти и др.). Особый вклад в углубление анализа неравенства внесли отечественные профессиональные политэкономы. При этом, если немалое число экономистов и специалистов отождествляют неравенство и доходное неравенство, то признанные отечественные лидеры классической политэкономии XXI века (марксистское направление) А.В. Бузгалин и А.И. Колганов настойчиво отстаивают идею о том, что «неравенство далеко не сводимо к неравенству в распределении доходов». Они выделяют стартовое неравенство (неравенство в доступе к ресурсам), неравенство в сфере отношений собственности, неравенство в распределении доходов и др., демонстрируя существенный «потенциал методолого-теоретического подхода, сопрягающего исследование неравенства с исследованием важнейших производственных отношений некоторой экономической системы» [1, с. 12].

Очевидно, что аналитический ресурс современного марксистского направления в рассмотрении проблем неравенства задействован еще далеко не полностью. В тоже время этот ресурс требует постоянного методологического обновления и дооснащения. В этом смысле, по нашему мнению, особенно перспективной является версия неомарксистского (постмарксистского) синтеза разработанная и развитая В.Т. Рязановым. Напомним, что теоретическая платформа указанного подхода состоит в «развитии марксистской экономической теории в тесном взаимодействии с новыми альтернативными неоклассике научными школами» [2, с. 9] (сочетание политэкономического подхода с комплиментарными научными программами).

Преимущества и возможности неомарксистского синтеза для анализа современного капитализма широко известны и признаны как сторонниками, так и оппонентами В.Т. Рязанова. Особенно эти преимущества касаются феномена неравенства, которое при обогащении политэкономического подхода неортодоксальными идеями превращается из достаточно одномерного явления в многогранную и многомерную реальность. В частности, ценными познавательными и аналитическими потенциалами для формирования целостного представления о неравенстве в рамках неомарксистского синтеза обладает концепция развития человека (КРЧ), достижения которой в той или иной степени реализуются на практике не только международными организациями, но и большинством государств мира.

Конечно же *КРЧ* имеет определенные методологические и идеологические расхождения с современной политической экономией. Вместе с тем пунктов, в которых учение *КРЧ* полностью согласуется с политэкономическим подходом гораздо больше, чем разногласий. В частности, *КРЧ* не приемлет методологический индивидуализм и в целом оппонирует методологической базе *mainstream economics*, отрицает возможность рыночного механизма самостоятельно обеспечить развитие человека и пр.

КРЧ делает особый акцент на анализе неравенства и разработке передовых практик его минимизации, исходит из обусловленности уровня неравенства существующими экономическими отношениями («внутрирыночной политикой»), аргументирует неспособность рыночной экономики без «дорыночной политики» (обеспечение равных возможностей в детстве через общественные услуги в области образования, здравоохранения и пр.) и «послерыночной политики» (политика перераспределения через налоги, государственные трансферты, социальную защиту и др.) и пр.[3].

КРЧ расширяет представление о неравенстве, рассматривая его как неравенство в человеческом развитии, выделяя следующие его виды: горизонтальное неравенство (неравенство между группами) и вертикальное неравенство (неравенство между отдельными людьми), неравенство в человеческом развитии между странами и внутри них, неравенство внутри домохозяйств.

Особенно пристальное внимание указанное течение научной мысли уделяет неравенству в базовых и расширенных возможностях развития человека, причинам их дивергенции или конвергенции, разработке путей преодоления продолжающегося расхождения возможностей людей, тем самым расширяя анализ стартового неравенства. При этом под базовыми возможностями в развитии человека подразумевается отсутствие крайних форм лишений (депривации), к примеру - выживание детей в раннем возрасте, доступ к начальному образованию и к базовым технологиям, устойчивость к периодически повторяющимся потрясениям (например – к периодическим экономическим кризисам) и пр. К расширенным возможностям в развитии человека относятся доступ к качественным услугам в сфере здравоохранения и в сфере образования на всех уровнях, доступ к высокоскоростным каналам передачи данных и к новейшим технологиям, устойчивость к неизвестным новым потрясениям, продолжительность жизни после 70 лет и пр.

При обогащении конструкта неомарксистского синтеза В.Т. Рязанова достижениями *КРЧ*, становится очевидным, что для современной России характерна нарастающая дивер-

генция в расширенных возможностях развития человека и отсутствие эффективных компенсирующих этот тренд механизмов. Но и в области базовых возможностей нельзя не отметить негативные процессы: если чудовищное доходное расслоение 1990-х гг. удалось преодолеть, то доступ ко многим условиям, которые определяют базовые возможности развития человека существенно ограничен для многих россиян. Приведем лишь некоторые примеры, демонстрирующие разрыв в базовых возможностях граждан современной РФ. Так, более чем у 20% домохозяйств отсутствует доступ к централизованной канализации. 16,8% домохозяйств используют выгребные ямы (с системой труб), а 5,8% вовсе не имеют канализации. 17 % российских домохозяйств дают плохую оценку качеству воды (получаемой из наиболее доступного источника воды). 4,6 % домашних хозяйств не имеют возможности пользоваться газом, а сетевой газ доступен только 66,7% домохозяйств. Проблемы с подачей электроэнергии испытывают 18,9% домохозяйств [4].

В России явно выражен неравный доступ населения даже к базовым медицинским услугам, не говоря уже о качественных услугах в сфере здравоохранения. Так, на 1 января 2019 года из 116 865 зданий, в которых оказывается медицинская помощь, 14 % находились в аварийном состоянии, в 30,5 % отсутствовал водопровод, в 52,1 % – горячее водоснабжение, в 41,1 % – центральное отопление, в 35 % – канализация, в 47 % не обеспечивалась доступность для инвалидов и других маломобильных групп населения. Соответствующий отчет Счетной палаты РФ свидетельствует о недостаточной доступности и низком качестве услуг в сфере детского здравоохранения [5, с. 8].

Список литературы

1. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Система производственных отношений и социально-экономическое неравенство: диалектика взаимосвязи // Вопросы политэкономии. 2019. № 2. С. 10 – 34.
2. Рязанов В.Т. Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза. СПб.: Алетейя, 2019.
3. Доклад о человеческом развитии 2019. За рамками уровня доходов и средних показателей сегодняшнего дня: неравенство в человеческом развитии в XXI веке. New York: Программа развития ООН, 2020.
4. Комплексное наблюдение условий жизни населения 2018 — [Электронный ресурс]. — https://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html. Дата обращения: 11.08.2020.

5. Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации, 2020, № 2. Здравоохранение.

Модификация объекта и структуры политико-экономического знания: специфика глобальной политической экономики

Современный этап эволюции экономической цивилизации характеризуется усложнением и модификацией социально-экономических взаимосвязей и закономерностей. Этому этапу присуща гетерогенная переходность содержательных параметров и полифуркационность перспектив дальнейшей эволюции. В авангардных социумах наблюдаются тенденции формирования неэкономике, синтезирующей элементы неоиндустриальных укладов и цифровой информатизации производства. В странах полупериферии и на периферии мирового хозяйства процессы информатизации сочетаются, и зачастую весьма противоречивым образом, с индустриальными и доиндустриальными укладами. Элементы нового технологического способа производства – глобально-информационного – приобретают системную структурированность во взаимодействии с калейдоскопически противоречивыми элементами, блоками и сторонами исторически предшествующих производственных и хозяйственных форм.

В этих условиях усложняется содержательная и структурная определённости теоретико-экономического знания. Особую дискуссионность приобретает вопрос о его методологической теоретической основе, о «ядре» всей системы экономических наук, особенно с учётом её интенсивной дифференциации, появления новых и междисциплинарных направлений. Формирование неэкономике актуализировало проблему соотношения влияния внешне-объективных факторов, с одной стороны, и внутренней логики развития научного знания, с другой, на модификацию предметного поля и структуры теоретико-экономической системы. Предшествующее относительное ослабление внимания к системообразующей роли политико-экономического подхода сменилось в настоящее время ощутимой активизацией анализа этой роли в контексте как объективных изменений в глобализирующемся экономическом базисе общества, так и обновления исследовательского инструментария.

В условиях современной неэкономической трансформации сохраняется преемственность атрибутов предметной аксиоматики политико-экономического подхода: примат экономического базиса в социальной системе; ведущая роль отношений собственности в социально-экономических взаимодействиях и, соответственно этому, понимание вопроса о собственности как основного вопроса политической экономики; уровневая структуризация экономиче-

ской системы и исследование форм проявления первичных, исходных отношений – отношений собственников и работников - на уровне хозяйственного механизма во взаимодействиях экономических агентов (хозяйствующих субъектов), что в свою очередь, определяет роль политической экономии как методолого-теоретической основы всей системы экономических наук. В то же время, модификация объекта исследования не может не оказывать влияния на трансформацию содержания и структуры предмета науки и логику её соотношения с другими отраслями научного знания.

Вопрос о собственности как основной вопрос политической экономии сохраняет свою системообразующую роль в предметном поле глобальной политической экономии, но в содержательном плане претерпевает модификацию, обусловленную эволюцией объекта исследования. В настоящее время привлекают внимание три наиболее актуальных направления этой эволюции. Во-первых, происходит глобализация отношений собственности применительно к основным структурным элементам этих отношений в их объектных и субъектных воплощениях и формах реализации. Во-вторых, отношения собственности существенно трансформируются вследствие наличия у информации, превращающейся в основную форму ресурсов и результатов производства, таких свойств, как сохранение в процессе потребления, неограниченность воспроизводства при минимальных или нулевых издержках и всеобщность распространения. В-третьих, вследствие развития механизмов «распределённой» собственности значительно усложняется и дифференцируется объект-субъектная структура отношений собственности, персонификация субъектов, их взаимосвязи и противоречия между ними в условиях углубляющегося «расщепления» различных аспектов экономического движения объектов собственности; усложняется также уровневая структура по линии взаимодействий «принципал-агент».

Если присущий информации атрибут всеобщности исходно содержит потенциал глобального распространения и производственного применения, то применительно к традиционным ресурсам глобализация собственности на них обусловлена нарастающей ограниченностью этих ресурсов. Ограниченность производственных ресурсов приобретает качественно новую историческую форму ограниченности первичных условий существования и резко обостряет проблему экологических параметров производства, что в свою очередь, актуализирует вопрос о субъекте собственности на первичные глобальные факторы жизнедеятельности. Усиливается объективная необходимость формирования общемировых институтов экономического управления; роль глобальных корпораций в качестве фактических субъектов при-

своения отраслевых долей всемирной прибыли демонстрирует историческую предельность. Расширяются географические и функциональные рамки глобального «всеобщего достояния», «общих пространств», также требующих общемирового регулирования (Stern, 2011). Развитие этих процессов определяет основные векторы эволюции экономической цивилизации на современном этапе, независимо от частичных и временных контртенденций, обуславливающих феномены глокализации (но не «деглобализации», которая в принципе невозможна при экстраполяции действующих закономерностей развития производительных сил). Новые инструменты глобализации формируются в рамках механизмов бесконтактной экономики и дистанционного образа жизни, превращающихся в атрибуты «новой реальности».

Современная экономика характеризуется также усложнением механизмов сочетания и взаимодействия частного и общественного присвоения. Для анализа этих механизмов недостаточным оказывается понятийный аппарат, основанный на традиционных трактовках форм собственности. В связи с этим, заслуживают внимания аргументы авторов, предлагающих включить в понятийную структуру экономической теории, по аналогии с политической терминологией, категорию «режим собственности» (Максимов, 2018). Посредством этой категории возможна современная конкретизация исследований фактического присвоения доходов в условиях углубляющегося «расщепления» пучка экономических полномочий и юридических правомочий собственников, а также анализ фактической реализации современных отношений собственности посредством выявления «конечных бенефициаров» присвоения доходов, независимо от формальной и официально определяемой структуры этих отношений. Данный подход особенно актуален для России в связи с существенной содержательной деформацией признаков собственнических отношений, официально определяемых посредством традиционных понятий государственной и частной собственности.

Сохранение аксиоматики предмета и эволюция его содержания в соответствии с развитием объекта исследования позволяет охарактеризовать глобальную политическую экономию как основную современную модификацию политико-экономического знания и методолого-теоретической основы системы экономических наук. Нуждаются в корректировке подходы, трактующие глобальную политическую экономию в качестве раздела «международной политической экономики» (фактически - международной экономической политологии) и сводящие её предмет к изучению форм взаимодействия экономических и политических решений в современном мире. Такое взаимодействие, безусловно, должно быть объектом исследования, но

при понимании зависимости этих решений от глубинных процессов и закономерностей, обусловленных глобализацией производства и отношений собственности.

Литература.

Максимов С.Н. (2018). Режим vs форма: о современных тенденциях развития отношений собственности // Экономическая наука современной России, № 2(81), 56-68.

Stern, P. C. (2011). Design Principles for Global Commons: Natural Resources and Emerging Technologies // International Journal of the Commons, 5(2), 213–232.

К вопросу о механизме «неомарксистского синтеза»

Актуальность темы, вынесенной в тему доклада, обусловлена рядом обстоятельств. Во-первых, актуальной тематикой круглого стола – «Классическая политэкономия 21 века: потенциал исследования и решения проблем социально-экономического развития», посвященного памяти В.Т. Рязанова, в котором автор намеривается принять участие. На сегодняшний день, накоплен значительный опыт для широкой дискуссии по данной проблеме, делающий дискуссию не только необходимой, но и возможной. Во-вторых, глубоким впечатлением, которое произвела на нас последняя книга В.Т. Рязанова «Современная политическая экономика: перспективы неомарксистского синтеза» [Рязанов (2019)], поразившая профессиональным анализом заложенного в классической политической экономии и ее марксистской версии методологического и аналитического потенциала, требующего своего развития, по мнению В.Т. Рязанова, на основе научного синтеза. Как считает профессор, «ядро разрабатываемой модели политэкономии неомарксистского синтеза можно представить в первом приближении в виде такой формулы: *марксистская экономическая теория + кейнсианство + (посткейнсианство) + институционализм (теория особенного) + мир-системный анализ +*» ... [Рязанов (2019), с. 258]. Предложенные концепция и модель неомарксистского синтеза требуют самостоятельного и глубокого обсуждения, но сам факт появления версии нелинейного, не аспектного взглядов на исследование функционирования хозяйственных систем, реализации их социально-экономической природы заслуживает самого пристального внимания. В-третьих, один из аспектов, которые можно, по нашему мнению, обсудить в открытой дискуссии, — *механизм* предложенного В. Т. Рязановым *синтеза*. Поэтому целью доклада является, отталкиваясь от последней работы профессора, попытаться обозначить методологические проблемы поиска условий и механизма встраивания в проблемное поле новой политической экономики «теоретических разработок неортодоксальных научных школ» [Рязанов (2019), с. 9].

Для этого в первую очередь, необходимо, по нашему мнению, воспользоваться возможностями генетического и структурного подходов в исследовании экономических систем, позволяющим выйти на проблему о соотношении *закономерности в развитии экономической*

системы и функционировании в рамках «структурной организации развитой системы»⁵, переходящего характера связей и их относительной устойчивости. Вместе с тем, очевидно, что *функционирование* можно рассматривать и как «жизнь» системы на разных этапах ее развития. Исследование функционирования в этом контексте принципиально важно для понимания механизма жизни экономической системы, находящейся в состоянии трансформации, дает возможность выхода политэкономической теории в хозяйственную практику.

В этом отношении, с одной стороны, важно генетически развернуть исторически зародившуюся тенденцию монополизации капитала, которая «со временем приобрела устойчивый характер, а сам капитализм развивался и трансформировался ..., совершая последовательные переходы от монополистического к государственно-монополистическому капитализму (ГМК1.0) и затем к глобально-монополистическому капитализму (ГМК2.0)» [Рязанов (2019), с. 270], исследовать структуру и механизм функционирования сложившейся экономической системы, механизм осуществления экономических отношений, их модификацию в хозяйственные отношения. А с другой, – подойти к поиску причин деформации экономических отношений в условиях нарастания ее внутренних противоречий при инновационных факторах, возникающих на одном из уровней (подуровней) функционирования хозяйственной системы (технологическом, технико-экономическом, организационно-экономическом, институциональном), неравновесных состояний. Другими словами, вплотную подойти к раскрытию проблемы соотнесения сущностей разных уровней (порядков) с собственно хозяйственными процессами, реально происходящими в экономике.

Как видно, мы вынуждены снова обратиться к методологии структурных уровней в исследовании осуществления экономических отношений, функционирования хозяйственной системы. Именно в этом направлении будут не только полезны, но и органично вписываться, интегрироваться многообразные научные идеи и разработки разных направлений неортодоксальных теорий. Например, современный монополистический капитализм как глобальный «с доминированием финансово-кратии» приводит к количественному и качественному раскоординации взаимосвязи финансового сектора с реальным в современной воспроизводственной системе, превращению финансового сектора в важнейший элемент общеэкономического равновесия и фактор распределения ресурсов, что предопределяет институционализацию процесса социализации финансового капитала (социализацию финансов), с необходимостью подключая новые идеи Кейнса о существующем неравновесии при капитализме, о модели

⁵ На это обратил внимание профессор А.А. Сергеев в работе «Структура производственных отношений социа-

государственно-регулируемой рыночной экономики к новым условиям ее жизни, подключая исследования институционального слоя функционирования хозяйственной системы.

Представляется важным в анализируемом нами аспекте исследования потенциала современной политической экономии возможностей использования органичного сочетания принципов объектного и субъектного подходов. Применение субъектного подхода может быть как в субъектно-объективной, так и субъектно-субъективной реализации. Понимание механизма принятия решений хозяйствующими субъектами носит принципиальный характер, ибо экономические отношения могут осуществиться и воспроизводиться только через деятельность хозяйствующих субъектов, принимающих и реализующих хозяйственные решения. Справедливо подчеркнул, на наш взгляд В.Н. Черковец: «необходимость есть историческая, долгосрочная линия, отражаемая в стратегии поведения хозяйствующих лиц» [Черковец (203), с. 67]. Так, в одной из статей, вступая в дискуссию с В.Т. Рязановым, утверждающим, что «классическая модель *Homo Economicus* сменилась вариантом *Homo Speculativus*» [Рязанов (2016), с. 226], мы заметили, что «новая модель *Homo Speculativus*, став элементом институциональной структуры, объективно отражает изменения в социально-экономической природе функционирующего капитала. Она возникла как результат рационального существования хозяйствующих субъектов в данной хозяйственной системе, как реакция на самоподдерживающие механизмы финансовых рынков, дерегулирование национальных рынков, глобальную дезорганизацию хозяйственной деятельности с избыточными рисками и высокой неопределенностью. Именно поэтому деятельность хозяйствующих субъектов по экономическому критерию приобретает мнимый характер» [Карасёва (2017), с. 259].

Наконец, еще один немаловажный методологический аспект рассматриваемой проблемы – использование теории всеобщего и особенного применительно к исследованию национально-особенного в хозяйственных системах, учета ее генетического кода, – соотношения общей политэкономической теории и теории национальной экономики. Отметим, что глобализация капитала с необходимостью диктует обращение ученых к этой проблеме. В.Т. Рязанов подчеркивает: «включение в проблемное поле политической экономии диалектической взаимосвязи общего и особенного в экономическом развитии стран позволит его дополнить использованием аналитического аппарата, разработанного теорией институциональной экономики» [Рязанов (2019), с. 123]. Это, действительно, так. Особенно в части понимания и учета мотивационного поведения членов общества (хозяйственного, социального, политиче-

ского и пр.). Во-первых, экономические отношения, осуществляясь выражаются в социальных формах экономических интересов, которые «более глубоко и точно раскрывают типологию общественного хозяйственного устройства» [Рязанов (2019), с. 126]. Во-вторых, одной из визитных карточек теории институциональной экономики является учет традиций и обычаев, оказывающих «существенное воздействие на возможность реализации экономических отношений и определения их специфики через отражение в особенностях менталитета и экономического поведения индивида» [Рязанов (2019), с. 126]. В-третьих, учет в хозяйственных процессах такого их субъекта, как этнические (национальные) общности ставит проблему о действии в хозяйственной жизни не только «экономического человека», но и «национального человека», обладающего своим специфическими качествами и хозяйственными традициями [Рязанов (2019), с. 127] и др.

Нам бы хотелось подчеркнуть учет генетического кода при исследовании национально-особенного в генезисе капиталистического способа производства. В этом отношении генетический код может накладывать специфику на исходное отношение исследуемой национальной экономической системы, разворачивая крупную линию исторического развития производственных отношений, например, иначе, чем она представлена в западных моделях капиталистического способа производства, механизма устойчивости системы, факторов, влияющих на направленности ее изменений. Кроме того, учет генетического кода системы позволит уйти от абстрактного представления о государстве, раскрывая его социально-экономическую природу и обусловленные ею особенности его функционирования в той или иной национальной хозяйственной системе.

Таковы основные аспекты поставленной в теме доклада проблемы.

Литература:

1. Рязанов В.Т. (2019) Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза. СПб.: Алетейя.
2. Рязанов В.Т. (2016) (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствия для мирового хозяйства и России. М.: Экономика.
3. Экономическая теория современной России. Глобальные тенденции и национальные традиции (2003). М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС.

4. Карасёва Л.А. (2017) Реальный и значимый труд о (не) реальном капитале //Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление, №3 (48), 249–263.

Контурь новой экономической системы, формирующейся в недрах капитализма

Современная эпоха предстает эпохой освоения четвертой промышленной революции, завершающей индустриализацию как качественно определенный этап в развитии производительных сил. Критерий такого завершения – сведение к минимуму занятости в сфере материального производства («ни одного рабочего в цеху»), а именно таково ее назначение.

Индустриализация явилась исторической миссией капитализма вследствие адекватности данному этапу в развитии производительных сил присущей ему системы экономической отношений. Аспектов такой адекватности множество, основными представляются следующие: частная собственность основана на кооперации труда, выступающей исходной предпосылкой разделения труда внутри нее с последующей механизацией труда и автоматизацией производства; основана на кооперации наемного, то есть свободного труда, способного к территориальному перемещению, востребованному промышленностью в противоположность сельскому хозяйству; безальтернативность инновационного развития с точки зрения реализации целевой установки экономической деятельности капиталиста-собственника на максимизацию прибыли, что достигается последовательным освоением промышленных революций; усугубление безальтернативности такого экономического поведения жесткой конкурентной средой его экономической деятельности; способность к эволюции индивидуальной частной собственности в частные формы ассоциированной, востребованные неизменно растущими по мере смены промышленных революций масштабами производства.

История индустриализации вбирает три промышленные революции, каждая из которых выступает материальной основой вступления капитализма на более высокий этап (стадию, фазу) развития. Первая промышленная революция явилась материальной основой исторически первого этапа в развитии капитализма, этапа *классического капитализма*, ключевой признак которого – доминирование индивидуальной частной собственности и концентрация наемной рабочей силы в сфере материального производства.

Освоение второй революции оказалось возможным благодаря способности индивидуальной собственности к эволюции в частные формы «ассоциированной». Данный термин был введен в научный оборот К. Марксом применительно к кооперативной и акционерной формам, соб-

ственниками объектов которых выступает ассоциация собственников, представленная членами кооператива или АО. Однако совершенно незаслуженно этот термин был предан забвению вопреки последующему широкому распространению ее форм, ныне далеко не сводимых к этим двум. Но высшей среди них по масштабам ассоциации собственников остается акционерная, а потому именно ее К. Маркс признавал не частной, но общественной, равно как и промышленность, на ней основанную, общественной, акционерный капитал – общественным. Это действительно так в пределах ассоциации собственников, хотя Маркс такой оговорки не делал.

Экономический потенциал именно данной формы, где инвесторы представлены способной к расширению их численности ассоциацией собственников, оказался в наибольшей мере соответствующим растущим масштабам производства. На ее основе сформировался занявший ведущие позиции в сфере материального производства крупный корпоративный сектор, что дает основание трактовать этот этап этапом *корпоративного капитализма*.

Освоение третьей промышленной революции было осуществлено органическим единством не только частных форм индивидуальной и ассоциированной собственности, но и чуждой природе капитализма не частной государственной. Не частной вследствие своего общенародного происхождения (ее инвесторы – налогоплательщики, каковыми выступает все экономически активное население страны), в юридическом статусе выступающая государственной. Именно такая сложная экономическая система сформировалась к настоящему времени в недрах капитализма на третьем *завершающем* этапе его развития.

Но и на этом этапе он предстал отнюдь «не загнивающим и не умирающим», а именно завершающим свою историческую миссию – индустриализацию, тем самым - и свою историю. Технологией четвертой промышленной революции, а это NBIC-технологии, востребована иная система экономических отношений, лидирующие позиции в которой призваны занять не только и не столько собственники, но соответствующие этим технологиям интеллектуалы. Уровень интеллектуального развития прежде всего определяет их место в социальной структуре современного общества, а затем уже социальный статус - собственника или наемного работника.

Отношения собственности тем самым не упраздняются ввиду неизменно растущей потребности в инвестициях. Но отношения между собственниками и наемной рабочей силой выстраиваются на основе равенства партнеров, не укладывающиеся в русло отношений наемного труда и капитала времен первой промышленной революции.

Примечательно, что с появлением ассоциированных форм собственности, в числе которых акционерная предстает высшей, идет процесс «размывания субстанции собственности» (Шумпетер, 1995 г.), сопровождающийся размыванием и социальной структуры капиталистического общества. Форм проявления такого размывания множество. Исходная из них порождена раздвоением функций собственника с сохранением за собственником функции инвестирования и передачей функции управления наемному менеджменту, образующему особую прослойку внутри лиц наемного труда. Особую, так как равнозначностью их функций предопределен характер их отношений – отношений равных партнеров.

Не менее важно и то, что сведение функции собственника к функции инвестора способствовало существенному росту числа собственников в облике акционеров как инвесторов разного масштаба в том числе и за счет работников наемного труда. Устойчивое повышение их жизненного уровня позволяет приобретать акции, удваивая тем самым и свой социальный статус. При этом не особо рискуя ввиду институционализации отношений акционерной собственности.

Существенному росту числа частных собственников способствовало и коренное преобразование структуры реального сектора, где наряду со сферой материального производства устойчиво расширяется сфера услуг, куда и перемещается индивидуальная и низшие формы ассоциированной собственности, число субъектов которых неизменно растет.

Данной сферой в немалой мере решается и проблема занятости в национальной экономике, обостряющаяся в процессе «обезлюдивания» сферы материального производства и окончательного сведения ее к минимуму освоением четвертой, к тому же – интеллектуальному. Но тем самым данная сфера не утрачивает своей значимости в жизни общества, промышленность лишь повторяет судьбу сельского хозяйства по численности занятых и месту в производстве ВВП, чем не принижается его значимость.

Отметим и столь важное обстоятельство, как все более широкое распространение особой разновидности индивидуальной частной собственности – интеллектуальной ввиду растущей с каждой промышленной революцией интеллектуализацией трудовой деятельности, а сами интеллектуалы, щедро одаренные и предпринимательским духом, вносят все более весомый вклад в стремительное освоение инноваций, предопределяя будущее. В их числе Дж. Бэзос, Б. Гейтс, И. Маск, М. Цукерберг.

Особый вклад в преобразование социальной структуры капиталистического общества вносит и государственная собственность, обязанная своим возникновением росту потребностей в так

называемых общественных благах, в силу своей природы подлежащих совместному потреблению, а потому и совместному финансированию через механизм налоговой политики. Именно поэтому государственная собственность посягает на экономические ниши частных форм собственности лишь в экстремальных условиях (экономические кризисы, войны, природные катаклизмы), возвращаясь на исходные позиции по мере их преодоления. Ее тенденция к росту обусловлена не агрессией государства относительно частного бизнеса, но неизменным ростом потребностей в таких благах.

Иными словами, сохраняются объективные предпосылки многообразия форм собственности, индивидуальной и ассоциированной, частных и не частной, каждая из которых занимает адекватные своему потенциалу экономические ниши. Оптимизацией их соотношения, но не культивированием одной из них, достигается наибольший экономический эффект.

Итак, история капитализма завершается не вследствие массовой хронической безработицы (хронический характер она так и не обрела), не вследствие обнищания пролетариата, как полагали классики, но вследствие завершения им своей исторической миссии в развитии производительных сил – индустриализации. Исчерпан и потенциал имманентной капитализму парадигмы экономического роста, чем и порожден экологический кризис, доведенный ныне до критического состояния, вследствие чего переход к парадигме устойчивого развития оказывается безальтернативным. Отмеченные классиками социально-экономические противоречия капитализм разрешал своевременным освоением каждой из промышленных революций, позволившим ему успешно пройти все этапы своего жизненного пути.

Книга:

Шумпетер Й. (1995) Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика.

Левин С.Н.,
Кемеровский государственный университет, г. Кемерово
Саблин К.С.,
Кемеровский государственный университет, г. Кемерово

Мотивация представителей власти и «предпринимателей» в современной России: политико-экономический анализ*

При оценке мотивации представителей власти и «предпринимателей» в современной России необходимо исходить из политико-экономического подхода. Речь в данном случае идет о новой политической экономии, ориентированной на экономический анализ политики и практик взаимодействия частного и публичного секторов Buchanan, Brennan (2008); Olson (1971) Niskanen (2008). Развивая данный подход в одной из своих последних работ, Мансур Олсон написал о том, что необходимо «найти такую познавательную структуру, которая способна одновременно охватить проблемы и рынков, и политической организации обществ» Олсон (2012), с. 26. Применительно к России данный подход требует раскрытия исторически сложившихся практик политико-экономического взаимодействия.

В ходе постсоветской трансформации в ярком виде проявилось действие эффектов исторической обусловленности развития (path dependence) и блокировки (lock-in). Исходным пунктом развития являлась позднесоветская система, для которой было характерно сращивание экономики и политики при функциональной специализации двух ветвей номенклатуры: партийно-политической и хозяйственной. Изначально наличие двух агентских цепочек (парт-аппаратчики и агенты многоуровневой управленческой бюрократии) Эггертссон (2001) были призваны снизить трансакционные издержки управления. Однако постепенно в их рамках сформировались «распределительные коалиции» Олсон (1998). Отношения между ними превратились в систему вертикальных и горизонтальных административных торгов. Формально централизованная система постепенно трансформировалась в совокупность административных рынков Naishul (1990). При этом происходило перетекание реальных остаточных прав собственности к различным группам номенклатуры, в рамках которой усиливалась функциональная специализация на «политизированных администраторов» и специфических предпринимателей.

По нашему мнению, термин «политизированные администраторы» предпочтительнее, чем «бюрократы», поскольку речь идет не о «рациональных бюрократах», а о членах административной иерархии, которые активно используют индивидуальный политический ресурс,

в определенном смысле «торгуя» им для извлечения частных выгод Найшуль (1992). С другой стороны, в экономической литературе широко анализируется феномен предпринимательства в рамках административных иерархий (*entrepreneurchiks* Tarkowski (1990), *bureau-preneurs* Lu (2000), *entrepreneurchiki* Stoner-Weiss (2006)).

Реализуемый с начала 1990-х гг. либеральный институциональный проект был призван разрушить эту систему. Однако вследствие действия сложившихся групп интересов произошло возвращение развития на исторически заданную «колею», в чем четко проявилось действие «эффекта блокировки». В результате сформировалась устойчивая система, построенная на преобладании политико-административных рынков, в рамках которой вместо разделения режимов частной и государственной собственности Olson (1995) возникла смешанная система прав собственности. В данной системе практически не осталось места для профессиональной (рациональной) бюрократии. Соответственно, окончательно сформировавшаяся в 2000-е годы «вертикаль власти» - это не иерархическая система административного управления, а система статусных торгов между «политизированными администраторами» и «политизированными предпринимателями».

Спецификой возникшей системы является то, что обе группы субъектов выполняют все три группы функций: административные, политические и «предпринимательские». Для политизированных администраторов приоритетом является функция административного управления и политическая деятельность, связанная, прежде всего, с поддержанием социально-политической стабильности на управляемых территориях и/или отраслях, при доминирующей ориентации на укрепление своих статусных позиций. В результате во многих случаях возникает дилемма легитимизации действий политизированных администраторов в глазах правителя, с одной стороны, и населения определенных территорий – с другой. Сложившиеся правила игры предопределяют преимущественную ориентацию политизированных администраторов на укрепление своих статусных позиций именно перед правителем. В то же время, как его агенты они выступают в качестве совладельцев остаточных прав собственности на экономические ресурсы. Реализуя эту функцию, они оказываются заинтересованными в развитии подведомственных им территорий и отраслей, и одновременно получают широкий доступ к извлечению политической ренты.

Политизированные предприниматели в обмен на эксклюзивный доступ к политическому ресурсу на неформальном уровне активно участвуют в осуществлении администра-

* Работа поддержана грантом РФФИ № 19-010-00244.

тивных и политических функций, включая политическую поддержку правящей группы (правителя). Приоритетной для них является «предпринимательская» функция, связанная с созданием и распределением добавленной стоимости. При этом проявляется двойственная роль политического ресурса. С одной стороны, он выступает как комплементарный к факторам производства, обеспечивая возможность продуктивной экономической деятельности. С другой стороны, он является её субститутom, создавая широкие возможности для перераспределения существующей стоимости.

Сложившаяся политико-экономическая конфигурация имеет аналог, в том числе в лице модели развития Южной Кореи Kohli (1999), Wedeman (2002) в 1960-1970-е гг. Однако, существует принципиальное различие. В Южной Корее политизированные администраторы и руководители чеболей, несмотря на многочисленные проявления поиска ренты и коррупции, в целом были ориентированы на решение стратегических задач развития. В современной России, как у политизированных администраторов, так и у политизированных предпринимателей, в большинстве случаев преобладает краткосрочная и рентоориентированная мотивация.

Список источников:

Найшуль В. (1992). Либерализация и экономические реформы // *Мировая экономика и международные отношения*, № 8, 69–83.

Олсон М. (1998). *Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция, социальный склероз*. Новосибирск: ЭКОР.

Олсон М. (2012). *Власть и процветание: Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры*. М.: Новое издательство.

Эггертссон Т. (2001). *Экономическое поведение и институты*. М.: Дело.

Buchanan, J., and Brennan, G. (2008). *The Reason of Rules: Constitutional Political Economy*. Cambridge: Cambridge University Press.

Kohli, A. (1999). Where Do High-Growth Political Economies Come From? The Japanese Lineage of Korea's «Developmental State» // *The Developmental State*, ed. by M. Woo-Cumings. Ithaca: Cornell University Press, 93-137.

Lu, X. (2000). Booty Socialism, Bureau-Preneurs, and the State in Transition: Organizational Corruption in China // *Comparative Politics*, 32(3), 273-294.

Naishul, V.A. (1990). Can the Soviet Economy Stay Left of the American? On the Limits of the Market in Soviet Conditions // *Communist Economies*, 2(4), 481-497.

Niskanen, W. (2008). *Reflections of a Political Economist: Selected Articles on Government Policies and Political Processes*. Washington: Cato Institute.

Olson, M. (1971). *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Harvard: Harvard University Press.

Olson, M. (1995). Why the Transition from Communism Is so Difficult // *Eastern Economic Journal*, 21(4), 437-461.

Stoner-Weiss, K. (2006). *Resisting the State: Reform and Retrenchment in Post-Soviet Russia*. Cambridge: Cambridge University Press.

Tarkowski, A. (1990). Endowment of Nomenklatura, or Apparatchiks Turned into *Entrepreneurchiks*, or from Communist Ranks to Capitalist Riches // *Innovation*, 3(1), 89-105.

Wedeman, A. (2002). Development and Corruption: the East Asian Paradox // *Political Business in East Asia*, ed. by E.T. Gomez. New York, Routledge, 34-62.

Технико-экономические основы новой волны деглобализации

Рассматривая глобализацию как естественный атрибут развития капитализма, правомерно поставить вопрос о наличии фундаментальных предпосылок ее усиления (или, наоборот, ослабления). Можно предположить, что степень развития международных торговых связей, векторы экономической политики стран в вопросе интеграции в мировой рынок подвержены не только случайным колебаниям текущей конъюнктуры или каким-то внутривнутриполитическим играм, но и имеют свои основания в базисе экономической системы того или иного периода.

Одной из ключевых главных составляющих экономической системы является технологическая основа производства. Именно она во многом задает уровень производительности труда, определяет себестоимость продукта и выступает источником относительной прибавочной стоимости. Придерживаясь марксистского историко-материалистического подхода, можно предположить, что технологическая основа производства является одной из базисных движущих сил социально-экономических системы и институциональных структур общества (хотя это, безусловно, не означает, что связь односторонняя и носящая детерминирующий характер).

Таким образом, волны глобализации можно рассмотреть в том числе как следствие трансформаций путей извлечения прибавочной стоимости в определенных технико-экономических условиях. Нужно оговориться, что в данном материале делается акцент на глобализационных процессах между странами, обладающими высоким научно-техническим потенциалом. Ставится вопрос, не является ли нынешняя волна деглобализации (как и предыдущие) результатом усиления конкуренции и протекционистских настроений вследствие наступления новой технологической волны. При этом подразумевается, что технико-экономические трансформации не меняют существенным образом отношения между Центром и Периферией, так как продолжает сохраняться значительное технологическое неравенство и невозможность конкуренции на равных.

Опираясь на концепцию технологических укладов С. Ю. Глазьева – Д. С. Львова (Глазьев, Львов, 1986; Глазьев, Харитонов, 2009) и общемировые соотношения экспорта и импорта относительно ВВП за последние 200 лет, было обнаружено, что относительная скорость роста внешней торговли замедляется на этапах становления новой технологического

волны (см. табл. 1). Аналогичное исследование отдельно по Великобритании и США на этапах, соответственно, британского и американского циклов накопления капитала (по Дж. Арриги (Арриги, 2006)) с небольшими исключениями показало схожую картину.

Таблица 1. Изменение доли внешней торговли относительно ВВП в зависимости от технологических укладов

Этапы цикла	Период	Среднегодовое соотношение темпа роста мирового экспорта к темпу роста мирового ВВП	Среднегодовое соотношение темпа роста внешней торговли (экспорт + импорт) Великобритании к темпу роста ВВП Великобритании	Среднегодовое соотношение темпа роста экспорта США к темпу роста ВВП США	Среднегодовое соотношение темпа роста импорта США к темпу роста ВВП США
Широкое распространение 1 ТУ	1790-1830	1,034 ⁶	0,995	-	-
Начало 2 ТУ	1831-1847	1,024	1,022	-	-
Широкое распространение 2 ТУ	1848-1880	1,029	1,016	-	-
Начало 3 ТУ	1881-1897	1,01	0,997	0,975	0,972
Широкое распространение 3 ТУ	1898-1913; 1923-1930 ⁷	1,017	1,01 ⁸	0,998	0,997
Начало 4 ТУ	1931-1938	0,974	-	0,971	0,952
Широкое распространение 4 ТУ	1951-1970	1,031	-	1,034	1,037
Начало 5 ТУ	1971-1983	1,006	-	1,025	1,044
Широкое распространение 5 ТУ	1984-2010	1,019	-	1,017	1,021
Начало 6 ТУ	2011-2018	0,978	-	1,001	0,997

Источники по миру: (Federico, Tena-Junguito, 2016; Maddison, 2001; Maddison, 2003; Всемирный банк)

Источники по США: (Maddison, 2001; Sutch, Carter, 2006; Всемирный банк)

Источники по Великобритании: (Кембриджская экономическая история..., т. 1, 2014; Кембриджская экономическая история..., т. 2, 2014)

⁶ Имеются данные с 1821 года.

⁷ Исключены периоды с 1914 по 1922 гг. и с 1939 по 1949 гг., чтобы не произошло смешение со специфической ролью мировых войн.

⁸ Рассмотрен период с 1898 по 1913 гг.

Объяснение, как представляется, лежит в следующем.

На этапе внедрения нового класса техники (начало технологического уклада) новые рынки (основанные на использовании новых технологий в производстве) еще не сформированы, и основной целью становится закрепление позиций в новых нишах. Частный производитель может временно отказаться от существенной части прибыли ради завоевания доли рынка и получения стратегического преимущества перед конкурентами, обеспечивая тем самым лучшее положение в долгосрочной перспективе. На уровне государств процесс аналогичен: нельзя позволить другим странам занять передовые позиции в новых высокотехнологичных отраслях, так как это может подорвать потенциал отечественных производителей. В связи с этим логичным выглядит введение ограничивающих свободную торговлю мер.

Когда же производство, основанное на новых технологиях, окрепло, то наступает время сбора всех сливок с внешнего рынка. Изначально более развитые в технологическом плане страны, создав затем благоприятные условия для отечественных производств, естественным образом становятся лидерами в отраслях, основанных на использовании элементов передового технологического уклада. Статус победителей позволяет наращивать экспорт, выигрывая в международной конкурентной борьбе. Следовательно, имеет место заинтересованность в максимальном открытии рынков.

Нынешняя геополитическая напряженность, ввод широкого спектра ограничивающих свободную торговлю мер имеет в своей основе технико-экономические предпосылки. На нынешней фазе цикла внедрения элементов нового технологического уклада ведущие страны больше заинтересованы в создании благоприятных условий для внутреннего производителя, чем в торговой экспансии.

США и Китай находятся в центре мировой геоэкономической борьбы и, можно сказать, задают ее тон⁹. Действия остальных крупных стран, так или иначе, вписываются в повестку данного противостояния. Распространение коронавируса при этом, отбрасывая назад национальные объемы производства и потенциал будущего развития, еще больше обостряет ситуацию, способствуя усилению деглобализационных процессов.

Можно без преувеличения сказать, что в настоящее время на наших глазах творится большая история, так как то, что происходит сейчас, на долгие годы вперед определит рамки развития мировой экономики и глобального миропорядка.

⁹ Китай по-прежнему остается страной с невысокой средней производительностью труда. Но ввиду своих огромных размеров в этой стране уже сформировался большой рынок высокотехнологичной продукции. Тем самым Китай становится достойным конкурентом в борьбе за будущее технологическое лидерство.

Список литературы

Арриги Дж. (2006). Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени. - М.: территория будущего. - 472 с.

Глазьев С. Ю., Львов Д. С. (1986). Теоретические и прикладные аспекты управления НТП // Экономика и математические методы. 1986. № 5. С. 793–804.

Глазьев С.Ю., Харитонов В.В. (2009). Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике. М.: Тривант.

Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. Том 1: 1700–1870 (2014) / пер. с англ. Ю. Каптуревского; под ред. Т. Дробышевской. – М.: Изд-во Института Гайдара. – 464 с.

Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. Том 2: 1870 — наши дни (2014) / пер. с англ. Н. Эдельмана; под ред. Т. Дробышевской. – М.: Изд-во Института Гайдара. – 624 с.

Federico G., and Tena-Junguito A. (2016). World trade, 1800-1938: a new data-set. Working Papers 0093, European Historical Economics Society (EHES)

Maddisson A. (2001). The World Economy: A Millennial Perspective. Paris: OECD

Maddisson A. (2003). The World Economy. Historical Statistics. Paris: OECD

United States of America. Historical Statistics of the United States (2006). Millennial Edition. Eds. Richard Sutch and Susan Carter, Cambridge University Press

База данных Всемирного банка. URL: <https://data.worldbank.org/>

Влияние институтов на инновационную деятельность предприятий в России: что остаётся за рамками индекса Doing Business?

За последние годы Россия совершила значительный прорыв, попав в 30 первых стран в рейтинге Doing Business. Вместе с тем, улучшения по техническим индикаторам индекса Doing Business не привели к подъёму инвестиционной привлекательности страны (Яковлев и Иванов, 2018). Напротив, имели место снижение объёма прямых зарубежных инвестиций, значительный отток квалифицированного персонала, и низкий уровень конкурентоспособности. Возможно, причина состоит в том, что индекс Doing Business не включает ряд аспектов, таких как уровень коррупции и связанные с ним факторы, которые сдерживают деловую активность. Эти неучтённые в индексе компоненты делового климата затрудняют работу людей с высоким уровнем человеческого капитала и препятствуют инновациям. Таким образом, создаются барьеры для деятельности, основополагающей для выживания фирм и для их успеха на рынке.

Целью нашей статьи является оценка роли институтов в осуществлении квалифицированными кадрами инновационной деятельности. Иными словами, мы анализируем роль человеческого капитала в инновационной деятельности фирм с учётом институциональных факторов в регионах России.

Наше исследование проводится на основе данных Опроса о деловом климате и деятельности предприятий (Business Environment and Enterprise Performance Survey – BEEPS) за период с 2012 по 2014 гг. В опросе приняли участие 1564 российских фирм из 37 регионов. Помимо показателей финансовой и инновационной деятельности, опрос содержит множество институциональных показателей. На основе изученной литературы мы анализируем роль различных институциональных показателей (Гурвич, 2017; Acemoglu et al., 2014; Auzan, 2017; Baranov et al., 2015; Easterly, 2008). При помощи метода МНК, мы оцениваем роль человеческого капитала и институциональных показателей, которые соответствуют компонентам индекса Doing Business, и которые выходят за рамки данного индекса, в инновационной деятельности фирм.

¹⁰ natalya.davidson@gmail.com

Основная гипотеза нашего исследования состоит в том, что отдача от человеческого капитала зависит от качества различных институтов.

Индекс Doing Business отражает условия ведения бизнеса в стране или регионе внутри страны. В соответствии с комментариями на официальном сайте индекса Doing Business, высокая лёгкость ведения бизнеса подразумевает, что нормативно-правовое регулирование в относительно большей мере располагает к открытию предприятия и его дальнейшему функционированию.

Рейтинг рассчитывается на основе агрегированных показателей по 10 темам, каждый из которых включает в себя несколько индексов; всем темам присваивается одинаковый вес. Компоненты индекса отражают следующие 10 аспектов делового климата: регистрация предприятий, получение разрешений на строительство, подключение к системе электроснабжения, регистрация собственности, получение кредитов, защита миноритарных инвесторов, налогообложение, международная торговля, обеспечение исполнения контрактов, разрешение неплатежеспособности. Методология основана на исследованиях и постоянно совершенствуется; различные компоненты индекса основаны на научных статьях (Djankov et al., 2002 etc.).

По информации на официальном сайте индекса, Россия находится в индексе Doing Business 2020 на 28 месте из 190, между Австрией и Японией. В то же время, например, Германия находится на 22 месте, Канада на 23, Руанда на 38, Чехия на 41, Нидерланды на 42 месте. В индексе Doing Business 2012 Россия была на 120 месте из 183 по 10 индикаторам, на основе данных по Москве. Возникает вопрос о том, какие аспекты ведения бизнеса отражены в различных компонентах индекса, а какие остаются за рамками данного показателя.

На основе изучения компонентов индекса Doing Business можно сделать вывод, что в данном показателе прослеживаются некоторые аспекты прозрачности взаимоотношений бизнеса и государства, а также отчасти уровень бюрократии и коррупции. Вместе с тем, важные аспекты коррупции в сферах, не отражённых в компонентах индекса Doing Business, а также ряд других аспектов делового климата остаются за рамками данного рейтинга. Необходимо также учитывать, что для России индекс измеряется на основе данных по Москве и Санкт-Петербургу, что может не в полной мере отражать ситуацию в России в целом.

На фоне всего, сказанного выше, как известно, в России одна из важных тем – диверсификация экономики (Lyubimov, 2019). Однако чтобы эта цель могла быть достигнута, важно создать условия для инноваций и плодотворной работы предприятий в различных отраслях экономики.

Наш вклад в существующие исследования основан на изучении различных аспектов делового климата в регионах России: существующих правил и норм, а также человеческого капитала, в котором нуждаются фирмы. Кроме того, мы анализируем, какие из важных для работы фирм аспектов отражены в индексе Doing Business index и насколько полно.

Что касается влияния институтов на инновационную деятельность, наши результаты показывают, например, что квалифицированные работники производят меньше инноваций, отражённых в показателе «инновационные продажи», когда неформальные платежи и подарки являются, с точки зрения менеджеров, серьёзным барьером для деятельности фирм. Этот результат важен в связи с тем, что роль квалифицированных работников (человеческого капитала) в осуществлении инноваций обычно является ключевой (Capozza and Divella, 2018; Carlino and Kerr, 2015; Zemtsov et al., 2016).

Результаты проведённого исследования позволяют проанализировать аспекты ведения бизнеса, как учтённые в индексе Doing Business, так и оставшиеся за рамками этого показателя. Полученные результаты полезны для анализа текущей ситуации и для разработки мер экономической политики, направленной на улучшение условий ведения бизнеса.

Список литературы

- Гурвич Е. Т. (2017) Институциональные рамки и экономическое развитие // *Общественные науки и современность* 1, 20–45.
- Яковлев А., Иванов Д. (2018) Технический успех: почему взлёт России в Doing Business не помог бизнесу? // РКБ, 14 ноября.
<https://www.rbc.ru/opinions/economics/14/11/2018/5bebd6db9a7947c705e43594>
- Acemoglu, D., Gallego, F. and Robinson, J. (2014). Institutions, human capital and development, *The Annual Review of Economics* 6, 875–912.
- Auzan, A. (2017). Revolutions and evolutions in Russia: In search of a solution to the path dependence problem // *Russian Journal of Economics* 3, 336–347.
- Baranov, A., Malkov, E., Polishchuk, L., Rochlitz, M. and Syunyaev, G. (2015). How (not) to measure Russian regional institutions // *Russian Journal of Economics*, 1(2), 154–181.
<https://doi.org/10.1016/j.ruje.2015.11.005>.
- Capozza, C. and Divella, M. (2018). Human capital and firms' innovation: evidence from emerging economies // *Economics of Innovation and New Technology* 28, 741–757, <http://doi.org/10.1080/10438599.2018.1557426>.
- Carlino, G. and Kerr, W. R. (2015) Agglomeration and innovation. *Handbook of regional and urban economics* 5, 349–404.

- Djankov, S., La Porta, R., Lopez-De-Silanes, F. and Shleifer, A. (2002). The regulation of entry // Quarterly Journal of Economics, CXVII(1).
- Easterly, W. (2008). Design and Reform of Institutions in LDCs and Transition Economies. Institutions: top down or bottom up? // American Economic Review: Papers & Proceedings, 98(2), 95–99.
- Lyubimov, I. (2019). Russia's diversification prospects // Russian Journal of Economics 5, 177–198. <http://doi.org/10.32609/j.ruje.5.34753>.
- World Bank (2020). Doing Business 2020. Washington, DC: World Bank. https://www.doingbusiness.org/content/dam/doingBusiness/pdf/db2020/Doing-Business-2020_rankings.pdf
- World Bank (2012). Doing Business in Russia 2012 report. Washington, DC: World Bank. <http://www.doingbusiness.org/russia>.
- Zemtsov, S., Muradov, A., Wade, I. and Barinova, V. (2016). Determinants of Regional Innovation in Russia: Are People or Capital More Important? Foresight and STI Governance, 10(2), 29–42.

Товар, номенклатура и всемирно-историческая противоположность капитала и плана

До сих пор в экономической теории доминирует взгляд, согласно которому развитие экономики носит однолинейный характер. При этом не имеет принципиального значения носит ли это однолинейное развитие унифицированный характер (Фукуяма, 1992) или проявляется в бесконечных вариациях отдельных культур (Афанасенко, 2003).

Мы исходим из того, что исторический процесс не является однолинейным, когда товар, развиваясь, превращается в капитал, а затем капитал, не будучи универсальной экономической реальностью, снимает сам себя. Исторический процесс является двулинейным. Параллельно возникновению и прехождению капитала возникает и преходит его противоположность - план. Следует специально подчеркнуть, что план это не нечто более высокое и развитое, чем капитал. План существует именно как противоположная экономическая реальность развивающаяся наряду с капиталом на протяжении всей человеческой истории. Эта противоположность достигла своего апогея в период холодной войны между США и СССР. Сегодня она, в уже преодолеваемой, сглаженной форме существует в виде борьбы западного и незападного миров.

Однако, если существует развитая противоположность капитала и плана, то какова её исходная историческая и, соответственно, логическая основа? Историко-логическим истоком капитала является, как известно, товар. Производство товаров придает экономике свойство товарности и товарность, медленно "набирая обороты", делает хозяйство капиталистическим.

Если капитал постепенно развивается из товара, то и план должен постепенно развиваться из некоей простейшей исходной формы. Но что является такой исходной, простейшей формой плана? Ранее мы полагали, что противоположностью товарности является планомерность. При этом, было не понятно, что делает экономику планомерной. Нужно было найти какой-то историко-логический аналог товара. Длительное время форму продукта альтернативную товару обнаружить не удавалось и мы условно называли её нетоваром или неразвитым планом. Определить эту форму помогло следующее рассуждение.

Мы всё время исходили из идеи, что план представляет собой противоречие номенклатуры и объема (Миропольский 2015). Капитал же обременен противоречием между общественным характером производства и частной формой присвоения. Одно другому явно не со-

ответствовало. Почему в противоречии капитала одна из сторон – общественный характер производства, а у плана – номенклатура; у капитала другая сторона противоречия – частная форма присвоения, а у плана – объем?

Но если встать на точку зрения, что основное противоречие плана это не противоречие между номенклатурой и объемом, а между частным характером производства и общественной формы присвоения, то получается, что противоречие номенклатуры и объема присуще чему-то другому. Что бы это другое найти, надо оттолкнуться от идеи, что капитал и план - отчужденные, развитые формы продукта человека (Миропольский, 2016). Тогда товар и нетовар (неразвитый план)- простейшие отчужденные формы продукта. Если это так, то универсальное различие потребительной стоимости и стоимости относится не к товару как особенной форме продукта, а к продукту вообще. Товар же как лишь форма продукта имеет различие между товарной формой потребительной стоимости и товарной (ценовой) формой стоимости. Тогда искомый нетовар имеет различие между номенклатурной формой потребительной стоимости и номенклатурной (объемной) формой стоимости. Следовательно, искомым историко-логическим аналогом товара, нетоваром, является номенклатура. Если это так, то развивающейся противоположностью товарности является не планомерность, а номенклатурность. Товарность, прогрессируя, дает капитал, а номенклатурность - план. Основное различие между товаром и номенклатурой состоит в том, что товар - это единичный "осколок" продукта. Главная проблема этого "осколка" - вписаться в целостный процесс воспроизводства посредством торговой сделки. Номенклатура же представляет собой единый продукт. Однако это единство отчужденное, так же как отчужденной является единичность товара. Если единство номенклатуры отчужденное, абстрактное, то основная проблема номенклатуры - вычленив из себя отдельные продукты пригодные для производства и потребления конкретных людей. Эта проблема и порождает, сформулированное выше, основное противоречие плана.

Мы получаем следующий результат. Товар выступает исторической и логической "клеточкой", из которой вырастает капитал (Маркс, 1960). Соответственно, политическая экономия капитала изучает это движение от товара к капиталу и далее к коммунизму. Но если продукт изначально принимает форму не только товара, но ещё и номенклатуры, то политическая экономия должна изучать, как номенклатура исторически и логически развивается до плана, как план преодолевает сам себя и движется к коммунизму. Иначе говоря, политическая экономия капитала должна быть дополнена политической экономией плана.

В форме смутной идеи альтернативная реальность плана была обозначена Карлом Марксом как азиатский способ производства (Маркс, 1957). Однако, развить эту идею Маркс не успел и, видимо, не смог, так как планомерность ассоциировалась у него с коммунизмом. Сейчас, достаточно очевидно, что реально существовавший социализм, никакого отношения к коммунизму не имел. Это было возрождение азиатского способа производства на индустриальной стадии. Поэтому когда мы говорим, что политическая экономия капитала должна быть дополнена политической экономией плана, мы конечно не имеем ввиду реанимацию политической экономии социализма. Мы имеем ввиду политическую экономию азиатского способа производства (Евразийская политическая экономия, 2016). При этом мы не вкладываем в термин «азиатский» никакого негативного смысла. Как следует из изложенного, под словом «азиатский» скрывается план как объективная и, при определенных условиях, более эффективная противоположность капитала.

Условия России таковы, что ей всегда для решения серьезных проблем был более выгоден план, чем капитал. И даже в современном мире, где господствуют смешенные экономики, России выгодна смесь капитала и плана, в которой доминирует план.

Список литературы

- Афанасенко И.Д. (2003) Россия в потоке перемен.- СПб.: Третье тысячелетие, – 511 с.
- Евразийская политическая экономия (2016) / Под ред. И.А. Максимцева, Д.Ю. Миропольского, Л.С. Тарасевича. СПб.: Изд-во СПбГУ, 767 с.
- Маркс К. (1957) Британское владычество в Индии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т.9. М.: Госполитиздат, С.130-136.
- Маркс К. (1960) Капитал. Т.1. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т.23. М.: Госполитиздат, С.6.
- Миропольский Д.Ю. (2015) Очерки теории продукта: потенциальные формы капитала и плана эпохи до разделения труда. СПб.: Изд-во СПбГУ, С.236-238.
- Миропольский Д.Ю.(2016) Капитал и план - противоположные формы отчуждения человека в эпоху разделения труда // Вопросы политической экономии, №.4. С.106-111.
- Фукуяма Ф. (1992) Конец истории и последний человек. М.: АСР. 588с.

Dynamic Model of Macroeconomic Populism Policy

Macroeconomic populism had proven itself to be one of the sharpest and at the same time overlooked problems of modern economic science: in some form, it had been experienced by almost every country, sometimes invoking some severe economic consequences, while theoretical literature on it remains undeservedly scarce. In recent years, the questions which are raised by macroeconomic populism phenomenon had become even more relevant than before since currently the whole western world suffers from the populist backlash (Rodrik (2018)).

Existing theoretical literature treats populism through the perspectives of necessity in commitment, political entrenchment and election signaling (e.g. Robinson & Torvik (2005), Saint-Paul et. al (2015), Acemoglu et. al (2013)). Some other papers are devoted to illustration of the specific cases of macroeconomic populism (e.g. Dornbush & Edwards (1990)). However, the most vivid populists' tool - bounded rationality of their voters¹¹ – for the most part had almost been neglected in the theoretical literature.

Current paper addresses the issue of macroeconomic populism¹² in circumstances of voters' bounded rationality. We build a probabilistic voting model where two parties, populist and altruistic, compete for the right to affect the amount of public good and the wage level of individuals. The latter inevitably affects the price level. However, the electorate is partially myopic and therefore a fraction of it is unaware of the consequences of the proposed policies for the price level.

Our theoretical framework allows to redefine classical problems of macroeconomic populism by offering some useful insights. First, we show that even an absolutely selfish populist may actually provide policy which would be close to efficient when the fraction of sophisticated (those with rational inflation expectations) agents is large enough. Sufficiently sophisticated population is able to mitigate both direct (inefficient populist's policy) and indirect (other parties' deviation from efficient policies) social damage caused by the presence of a populist party by, first, forcing populists to provide more efficient policies and, second, by reducing the probability of populist party coming in charge. Second, our model predicts that the presence of a populist party is capable of

¹¹ As was highlighted by some authors (e.g. Sachs (1990), Rodrik (2018)), populists often win voters through ideological hooks, without an offer of coherent economic program and relying on unsustainable fiscal and monetary policies.

forcing its competitor to promise inefficient populist policies even if this competitor is fully altruistic and rational. Moreover, party which opposes populists would be especially tempted to deviate from its efficient bliss point when the corresponding policy decision is relatively more important for the population than their ideological views (or when policy really matters for the population). The latter results go in line with the empirical results of Guiso et. al (2017) which assert that the typical parties' response to a successful populist competitor is to reduce the distance of their political platforms to the platform of the populist.

References.

- Acemoglu, D., Egorov, G., & Sonin, K. (2013). A political theory of populism. *The Quarterly Journal of Economics*, 128(2), 771-805.
- Dornbusch, R., & Edwards, S. (1990). *Macroeconomic Populism in Latin America* (No. w2986). National Bureau of Economic Research.
- Guiso, L., Herrera, H., & Morelli, M. (2017). Demand and supply of populism.
- Robinson, J. A., & Torvik, R. (2005). White elephants. *Journal of Public Economics*, 89(2-3), 197-210.
- Rodrik, D. (2018). Is populism necessarily bad for economics?. In *AEA Papers and proceedings* (Vol. 108, pp. 196-99).
- Sachs, Jeffrey. 1990. *Social Conflict and Populist Policies in Latin America*. San Francisco: ICS Press.
- Saint-Paul, G., Ticchi, D., & Vindigni, A. (2015). A theory of political entrenchment. *The Economic Journal*, 126(593), 1238-1263.

¹² We follow a classical definition of macroeconomic populism given by Dornbush & Edwards, defining it as “an approach to economics that emphasizes growth and income distribution and deemphasizes the risks of inflation and deficit finance, external constraints and the reaction of economic agents to aggressive non-market policies”.

Производительные силы в понимании К. Маркса и Ф. Энгельса

В классической экономической теории производительные силы занимают важнейшее место. Классика сделала вывод, что уровень развития используемых орудий производства служит мерилom развития общественного производства. Экономические эпохи различаются менее всего тем, что, или какие продукты в них производятся, а больше тем, как производятся, какими орудиями производства. Главная сила в производстве — это рабочая сила, которая представляет собой способность человека к труду, совокупность его физических и духовных сил, целенаправленно используемых в производстве. Силы производителя зависят от его умений, приобретенных навыков, производственного опыта. Рабочая сила приводит в движение орудия и предметы производства. Но с развитием орудий производства развиваются и способности человека к труду, силы рабочего возрастают.

Эти мысли были впервые изложены К. Марксом в работе К критике политической экономии, написанной в 1858-859 годах. Однако в общественном сознании сложилось представление о содержании понятия «производительные силы» не соответствующее представлениям К. Маркса и Ф. Энгельса, по сути, ошибочное представление.

Во работах производительные силы стали выражать через «систему», «совокупность» и даже «комплекс» различных элементов, средств и предметов труда. В советском философском энциклопедическом словаре записано так. «Производительные силы - система субъективных (человек) и вещественных (техника) элементов, осуществляющих «обмен веществ» между обществом и природой в процессе общественного производства» (1989), с. 514. Здесь ни человек, ни техника не отнесены к производительным силам. Производительные силы это есть «система ... элементов». Но что такое система? Это качественная или количественная характеристика? Можно ли говорить, что сила движения воздуха, или сила течения воды это есть «система элементов» воздуха или воды. Противоположностью субъективного является объективное, а вещественного - только невещественное. Техника является вещественным объектом, но «вещественное» не является техникой.

В теоретическом труде «Экономическая Энциклопедия. Политическая экономия» «Производительные силы, система личных, субъективных (человек) и технических (предмет-

ных) элементов, осуществляющих «обмен веществ» между человеком и природой в процессе общественного производства» (1979), т. 3, с. 357. Здесь перечисляются элементы: 1) личные, 2) субъективные, 3) технические. Вводится новый элемент «личные» и он ставится на первое место. Предполагается, что элемент «личные» отличается от элемента «субъективные». Но в чем состоит это отличие? Ответа нет.

В этом труде «вещественные элементы, техника заменены на «технические (предметные)». Здесь реализована такая логика: если техническое есть предметное, то техника есть предметы. Выше можно было прочесть так, что вещество есть техника.

И здесь нет логики. Поэтому научное определение понятия «производительные силы и в этой работе отсутствует.

По нашему заключению, невозможно дать полное научное определение понятию производительные силы. Причина этого состоит в таком казусе науки: вся историческая мысль физики, в том числе и современной, не дала определения, что такое есть сила. Больше того, современная теоретическая физика совсем отказалась от использования понятия «сила» и заменила его на «взаимодействие».

Силы возникают в процессе движения частей и частиц материи. Но сами по себе эти части и частицы не являются силами. Чтобы возникли силы (любые: созидательные, разрушительные) части или частицы материи должны быть приведены в движение. Экономические силы (производительные и не производительные) возникают из использования рабочей силы и средств производства. Рабочая сила – первичная производительная сила. Вторичные производительные силы возникают из использования средств производства, через соединение рабочей силы со средствами производства.

Ф. Энгельс в работе «Диалектика природы» исследовал формы движения материи и соответственно этим формам классифицировал возникающие понятия и науки. Он в разделе «общие формы движения» написал о силах следующее. «... термин «энергия» отнюдь не дает правильного выражения всему отношению движения, ибо он охватывает только одну сторону его - действие, но не противодействие. Кроме того, он допускает видимость того, будто «энергия» есть нечто внешнее для материи, нечто привнесенное в нее. Но, во всяком случае, этот термин заслуживает предпочтения перед выражением «сила».

Представление о силе заимствовано, как это признается всеми (начиная от Гегеля и кончая Гельмгольцем), из проявлений деятельности человеческого организма по отношению

к окружающей его среде. Мы говорим о мускульной силе, о поднимающей силе рук, о прыгательной силе ног, о пищеварительной силе желудка и кишечного тракта, об ощущающей силе нервов, о секреторной силе желез и т. д. Иными словами, чтобы избавиться от необходимости указать **действительную причину изменения, вызванного какой-нибудь функцией нашего организма, мы подсовываем некоторую фиктивную причину, некоторую так называемую силу, соответствующую этому изменению** (Выделено нами – В.П.). Мы переносим затем этот удобный метод также и на внешний мир и, таким образом, сочиняем столько же сил, сколько существует различных явлений».

«Таким образом, прибегая к понятию силы, мы этим выражаем не наше знание, а *недостаточность* нашего знания о природе закона и о способе его действия. В этом смысле, в виде краткого выражения еще не познанной причинной связи, в виде уловки языка, слово «сила» может допускаться в повседневном обиходе. Что сверх того, то от лукавого» (3), с. 402-403].

В Капитале К. Маркс так говорит о рабочей силе. «Ее полезное свойство, ее способность производить пряжу или сапоги ...» (4), с. 204-205]. Здесь «способность к труду» представлена как вид или разновидность «свойства рабочей силы». Следовательно, «способность» вообще можно выражать как разновидность, как проявление «свойства» вообще, т.е. как соотношение **видового и родового понятий**.

Все средства производства обладают свойствами, но не все из них обладают способностями. Все средства производства подразделяются на живые и неживые, на духовные и вещественные. Способностями могут обладать лишь живые существа. Неживые средства производства могут обладать лишь свойствами, они не могут обладать способностями. Машина, как и рабочий, является носителем и потенциальной и реальной производительной силой. У рабочего его производительная сила формируется через способность к труду. У машины путь короче, у нее свойство работы проявляется как свойство механической силы.

Приведем одну выдержку из одной цитаты К. Маркса в которой он человека, животное, машину прямо называет носителями сил, а не силами. «...Сила, носителем которой является человек, будет вынуждена уступить свое место силе, носителем которой является животное или машина» (7), с.450).

«Развитие средств производства, в особенности средств труда и главным образом орудий труда, является мерой и показателем развития рабочей силы» (4), с.191. Мера, мерило, показатель. По Марксу не рабочая сила и не рабочий являются мерой или мерилом развития

средств производства, а наоборот, средства производства являются мерой или мерилom развития рабочей силы. Рабочий изучает, осваивает орудия труда, средства труда, средства производства, машины. В результате растет его мастерство, он развивается. Сам рабочий изменяется подобно обрабатываемому предмету труда, становится качественно другим. По тем средствам труда, на использование которых рабочий оказывается способен, можно судить об уровне развития производительных сил, соответственно и ее носителя, т.е. рабочего.

К. Маркс в «Капитале» писал, что производительные силы возникают из создания и использования и таких возможных общественных форм как разделение труда, разделение производства, кооперация, наука. Строго методологически неправомерно считать, что перечисленные формы сами по себе являются производительными силами. **Производительные силы лишь возникают из создания и использования таких и других подобных общественных форм.**

В итоге выскажем следующее. В настоящей работе мы отказываемся от точного качественного определения, что такое есть производительная сила. Можно ограничиться выводом, что **производительная сила есть сила (без ее собственного определения) особенная, возникающая и действующая в сфере материального производства лишь в процессе использовании средств производства рабочей силой, обладающей способностью к труду. Вне использования средств производства производительные силы не возникают.**

Таким образом, К. Маркс и Ф. Энгельс в Капитале не дали и, похоже, сознательно не собирались давать определение понятию «Производительные силы». Причину этого следует искать в вышеприведенных рассуждениях Ф. Энгельса о силах в его работе «Диалектика природы».

Поводом к пониманию того, что теоретически есть «производительная сила», по нашему мнению, стало следующее высказывание самого К. Маркса в 1847 году в его ранней работе «Нищета философии» с ответом на работу Прудона «Философия нищеты». В ней Маркс написал так. «Machinery is no more an economic category than the bullock that drags the plough. Machinery is merely a *productive force*. The modern Workshop, which depends on the application of machinery, is a social production relation, an economic category».

Советский переводчик Капитала И.И. Скворцов-Степанов перевел этот фрагмент так. «Машина столь же мало является экономической категорией, как и бык, который тащит плуг. Машина - это только производительная сила. Современная же фабрика, основанная на упот-

реблении машин, есть общественное отношение производства, экономическая категория» (5), с.152.

Итак, термин **productive forces** или **производительные силы** К. Маркс использовал лишь в его ранних работах, в период, предшествующий периоду глубокого изучения политической экономии. После 1847 года этот термин он не использовал. Почему? Потому что, ранее, он законы развития общества пытался отыскать в юридической и философской науках. И только к 1847 году он понял, что искомые ответы на поставленные самим себе вопросы надо искать в науке политическая экономия. И он понял, что **производительные силы и средства производства — это различные понятия.**

У Маркса и у Энгельса в их работах (на английском языке) отсутствуют слова сила (force), рабочая сила (work force), производительная сила (productive force). У них в оригиналах используется другая терминология. Это - power, labor power, productive power. Содержательно в терминах **power и force** заключаются различающиеся понятия. **Power** это не сила, а мощь, даже не энергия (Energy). Переводчики, все наши от Скворцова Степанова перевели Power как Сила, Labor power как Рабочая сила, Productive power как Производительная сила.

Чисто по-английски, при переводе с русского термин сила это force, рабочая сила это labor force, производительная сила это productive force. Однако во всех энциклопедиях, в учебниках, работах, при переводе с русского на английский, используется терминология не Маркса и Энгельса, а существующая до сих пор в России.

Labor power строго точно, это все-таки трудовая мощь, может мощь рабочего. Labor и worker это также различные термины с различающимися понятиями.

Ключ к пониманию этого дает работа Ф. Энгельса Диалектика природы.

Все существующие сегодня исследования по данной тематике во всех отраслях научной деятельности в конечном итоге сводятся к определению количества действующих сил, но не к качественному определению содержания понятия «сила».

Теоретическое определение производительных сил должно начинаться с определения того, что есть сила вообще. И только после определения сила можно переходить к определению производных сил, которые делятся на родовые, видовые и подвидовые.

Лопата, плуг или топор не являются ни силами вообще, ни производительными силами в особенности. Это простейшие орудия труда, но при их целенаправленном надлежащем использовании могут возникнуть производительные силы. Но ненадлежащее использование

орудий руками не профессионалов, дилетантов может привести к снижению производительной силы работника.

Машина может быть использована либо для производства полезного предмета, блага, т.е. как производительная сила, либо для нанесения вреда, разрушения, т.е. как разрушительная сила. Отсюда можно сделать вывод о существовании в природе и обществе пары однопорядковых и противоположных друг другу явлений и понятий о них: **производительные силы и разрушительные силы.**

Известно, что В.И. Ленин призывал учить марксизму простых людей на простых, понятных определениях, примерах. Похоже в связи с этим он высказывался так. «Первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся» (8), с.359. «Нас отбросила назад, к варварству, империалистская война, и, если мы спасем трудящегося, спасем главную производительную силу человечества» [Там же].

Но теоретически производительными силами являются не сами люди, не сами действительные индивиды как таковые, а именно определенные, существенные для их развития свойства, качества действительных индивидов. Действительные индивиды являются носителями производительных сил как способности и потребности производить и общаться, перемещать между людьми продукты производства. **Теоретически В.И. Ленин должен был сказать приблизительно так. Рабочий, трудящийся является главным носителем главной производительной силы.**

Список литературы

1. Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. М. 1989.
2. Экономическая Энциклопедия. Политическая экономия. Т.3. М. 1979.
3. Фридрих. Энгельс. Диалектика природы. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-ое. М. 1960. Т.20.
4. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Кн.1. Процесс производства капитала. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-ое. М. 1960. Т.23.
5. Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-ое. М.1960. Т.4.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-ое. М. 1960. Т.42.

7. Ленин В. И. I Всероссийский съезд по внешкольному образованию 6-19 мая 1919 г. Речь об обмане народа лозунгами свободы и равенства. ПСС, Изд. 5-ое. М. Госполитиздат. 1969. Т.38.

Пороховский А.А. Национальный интерес как экономическая категория

Экономический кризис 2020 г., усиленный глобальной пандемией ковид-19, обнажил практическое и теоретическое внимание к национальным интересам всех стран. В условиях рыночной и цифровой глобализации неожиданно обнаружилось, что у граждан и бизнеса оказалась единственная возможность надеяться на помощь и поддержку только своего государства. Выражение “*национальный мундир*”, характерное для военного лексикона, но получившее экономическое звучание в давние времена при чеканке отдельными государствами национальных монет, теперь стало напрямую относиться к пониманию **национальных интересов** современных государств. Подобно тому, как национальные мундиры отличаются друг от друга, национальные интересы во многом по-своему отражают специфику каждой страны и ее гражданского общества. Поэтому анализ национальных интересов проводится не только экономистами, но и другими гуманитарными и общественными науками. Нередко раскрытие национального интереса в той или иной сфере требует и естественнонаучного подхода.

Экономическая система капитализма в любой национальной модели соткана из совокупности интересов, субъектами которых являются индивиды, фирмы, регионы и другие территориальные образования. Есть свои экономические интересы у расовых, этнических, религиозных и различных меньшинств населения, а также профессиональных объединений каждой страны. В основе рыночной модели находится частный интерес, который присущ и крупным корпорациям, и любым другим негосударственным организациям. Наибольшую силу представляет собой капитал, частный интерес которого, как правило, персонифицируется, пронизывая всю экономику и общество, а также во многом предопределяет публичные интересы своего государства. При этом имеется ввиду, что государственный ‘*национальный мундир*’ служит надежной защитой не только частной собственности, но и рыночного конкурентного механизма.

Между тем природа капитала и конкуренции таковы, что им не по нраву любые ограничения или барьеры, которые в разной мере и многообразном виде существуют в каждой стране. Капитал борется за лидерство и конкуренция выталкивает в авангард сильнейших, которые стремятся во что бы то ни стало удержать свое монопольное положение. Со всей

очевидностью это подтверждается и в цифровую эпоху, когда пять американских информационных гигантов диктуют по сути свою волю не только потребителям США, но и почти всего мира.

Экономикс как концентрированное выражение неоклассической экономической теории после реализации неоклассического синтеза стал анализировать экономическую роль государства не только в связи с защитой конкуренции и прав собственности, но и как гаранта макроэкономической стабильности и экономического роста через фискальную и денежно-кредитную политику. Более того государство стало самым крупным покупателем товаров и услуг, а победа в борьбе за государственный рынок для любого бизнеса – это гарантированные заказы и хороший задел для будущего. Постепенно лозунг – чем меньше государства, тем лучше – стал модифицироваться в призыв – за эффективное государство и доверие граждан к его деятельности. Государство стало субъектом национальных интересов.

Поскольку роль государства многообразна, постольку его национальные интересы не сводятся к экономической сфере. Хотя, к примеру, политика охраны и защиты окружающей среды напрямую затрагивает интересы бизнеса и всего населения. Вообще обеспечение национальных интересов в различных областях – военной, экологической, геополитической, социальной – в конечном счете упирается в экономический потенциал страны.

Свои национальные интересы государство оформляет законодательным образом. Общество в ходе политического цикла через выборы властных структур может оказывать влияние на вектор национального развития, обрамленный стратегическими и тактическими национальными интересами. Однако экономическая обусловленность национальных интересов слабо зависит от политической конъюнктуры.

Особый смысл национальные интересы приобретают в международных экономических отношениях. Заботясь о своей конкурентоспособности, государства нередко используют и неэкономические методы для поддержки национальных компаний. Наиболее ярко в этом деле проявляют себя США, злоупотребляя ролью доллара как мировой валюты и ведущим значением американских банков на мировом финансовом рынке. Если в рамках национальной экономики государство проводит антимонопольную политику, то в мировом хозяйстве оно не сдерживает себя в обеспечении своим корпорациям наилучших позиций. Часто это объясняется заботой о своих гражданах, их рабочих местах и доходах. Внешне это выглядит таким образом, что национальный интерес непосредственно служит удовлетворению частных интересов.

Национальный интерес формирует национальную экономическую безопасность. При этом такой процесс связан как с внутренними факторами, так и с внешнеэкономическими обстоятельствами.

Краткий обзор проблематики национальных интересов показывает, что это явление характеризует рыночную экономическую модель любой страны. Национальный интерес как экономическая категория входит в Общую экономическую теорию, будучи по-разному представленным в ее отдельных школах, направлениях, программах. Наполнение этой категории соответствующим содержанием происходит как отдельными авторами, так и вследствие развития отдельной теории или школы. В мире издаются специальные журналы, в которых рассматриваются различные аспекты национальных интересов, поскольку, как отмечалось выше, это явление находится в объекте внимания различных наук.

Реабилитируя гипотезу С. Кузнецца: «короткий XX век», динамика неравенства и распределительные конфликты

В докладе, во-первых, представлен анализ исторических предпосылок возникновения гипотезы Саймона Кузнецца которую он озвучил в конце 1954 года. Согласно гипотезе, на низких ступнях развития общества доходное неравенство находится на относительно низком уровне, а затем по мере ускорения экономического роста сначала возрастает, а затем снижается. Вместе с тем, как показали исследования исторических источников литературы, идеи С. Кузнецца предшествовали изыскания русского экономиста и политического деятеля С.Н. Прокоповича, который в 1926 году высказал догадки о связи экономического роста и неравенства в доходах.

Во-вторых, предложена идея преодоления критики гипотезы Кузнецца. Фокус внимания этой критики направлен на то, что гипотеза с самого начала ее формулировки С. Кузнецом часто не подтверждалась статистическими данными, особенно после 1980-х годов, когда в развитых странах стали наблюдаться одновременно углубление неравенства и ускорение экономического роста. Анализ, опирающийся на исследования Б. Милановича, который предложил рассматривать гипотезу не на коротких, а на длительных исторических интервалах времени, как определенные волны неравенства, показал, что в разных странах мира существуют свои циклически-волновые закономерности эволюции неравенства. В доиндустриальную эпоху темпы развития большинства стран были низкими, а колебания уровней неравенства происходили вокруг статичного среднего дохода. Механизм воспроизводства волн неравенства включал в себя мальтузианские ловушки, связанные с демографическими факторами, когда доходы и неравенство зависели от войн, эпидемий, погодных изменений, неурожаев, а также от случайных экзогенных шоков, оказывавших кратковременное влияние на ход экономического развития, например, приток серебра в Европу в результате географических открытий. Однако после Промышленной революции, начавшейся во второй половине XVIII века и продолжавшейся в течение XIX века, механизмы воспроизводства волн неравенства Кузнецца существенным образом изменились. Во-первых, историческое ускорение роста национального производства в странах мира, вступивших на индустриальный путь развития и масштабное увеличение национального

дохода создали благоприятные условия и возможности для распределительных процессов (конфликтов) в пользу отдельных групп населения, что привело к существенным сдвигам в динамике неравенства – оно стало расти быстрее. Во-вторых, после промышленной революции постепенно сформировалась колоколообразная зависимость между уровнем неравенства и средним доходом, на которую впервые обратил внимание Прокопович, а вслед за ним Кузнец сформулировал известную нам гипотезу. Длинноволновая динамика неравенства, замеченная Милановичем, проливает свет на вопрос о том, почему вопреки гипотезе Кузнеця, неравенство не продолжило снижаться, а наоборот стало расти на фоне ускорения экономического роста в развитых странах после 1980-х годов. Очевидно, что в этот исторический период в странах Запада возникла повышательная фаза второй длинной волны неравенства, которая продолжается по сей день.

В-третьих, проанализированы механизмы воспроизводства волн Кузнеця. В частности, было выяснено, что нелинейность динамики неравенства обусловлена комплексом взаимосвязанных факторов. Общим запускающим механизмом как в первой, так и во второй волне стали радикальные технико-экономические изменения. Запуск первой волны произошел в результате Первой промышленной революции, а триггером второй волны стала Четвертая технологическая революция 1970-х годов. Логика повышательной фазы волны неравенства заключается в том, что, во-первых, внедрение базисных технологий создает условия для более быстрого роста совокупного и рентного дохода, который давал в свою очередь более широкие возможности распределять эти ренты в пользу определенных, достаточно узких социальных групп, обладающих политической и экономической властью. Во-вторых, технологические революции запускали процессы глубокой структурной перестройки экономики. В частности, в первой волне существенные сдвиги наблюдались от аграрного сектора к промышленному производству, сопровождавшиеся процессами урбанизации. Переток рабочей силы из села в город, из аграрного сектора в промышленность, сопровождался усилением неравенства, так как это и описывал Кузнец. Во второй волне с 1980-х годов структурные сдвиги были связаны с ростом доли сектора услуг, в котором в отличие от промышленного сектора, наблюдалось большее разнообразие рабочих мест с более высоким разбросом ставок заработных плат, что также влияло на рост неравенства. Кроме этого, разнородность профессиональной деятельности, все большее распространение удаленных форм занятости и фрилансерства, серьезным образом подорвало организованность профсоюзов, защищавших интересы наемного труда. Слабость

профсоюзов в переговорных позициях обусловило усиление распределительных процессов в растущей экономике в пользу собственников бизнеса и топ менеджеров крупных компаний. Такая логика повышательных фаз длинных волн неравенства укладывается в описанный Р. Алленом в 2009 году механизм неравенства в Англии середины XVIII – начала XX веков, который назвал его «паузой Энгельса». Понижительная фаза первой волны Кузнец в большинстве развитых стран мира длилась примерно с 1917 года до конца 1980-х годов («короткий XX век»). Факторами долгосрочного снижения неравенства в этот период стали две мировые войны, которые привели к высоким налогам и разрушениям, рост доли молодых людей с высшим образованием, позволявшим получать все большему количеству людей повышенные доходы, рост спроса на социальную защиту в силу увеличения продолжительности жизни и старения населения, политические изменения, запущенные революцией 1917 года в России и дальнейшие успехи СССР в обеспечении ускоренной индустриализации, высокой социальной защиты, создание социалистического лагеря, что заставляло развитые капиталистические страны в негласном соревновании с ним проводить активную социальную политику.

В-четвертых, проведенные исследования показали, что главной движущей силой нелинейной долгосрочной динамики неравенства выступают распределительные конфликты, которые возникают между трудом, капиталом и институтами государственной власти по поводу их доли в произведенном доходе.

Список литературы

- Борисов К.Ю., Подкорытова О.А. (2006). О влиянии неравенства в распределении доходов на темпы экономического роста / Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. Сер. 5. Вып. 1. С. 155 – 168.
- Джомо К.С., Попов В.В. (2016). Долгосрочные тенденции в распределении доходов / Журнал НЭА. № 3 (31). С. 146 – 160.
- Малкина М.Ю. (2013). Исследование взаимосвязи неравномерности распределения доходов с уровнем экономического развития / Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 3. С. 170 – 176.
- Миланович Б. (2017). Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации. – М.: Изд-во Института Гайдара.

Хобсбаум Э. (2014). Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914-1991). - М.: Изд-во «Независимая Газета».

Allen R. (2009). Engels' pause: Technical change, capital accumulation, and inequality in the British industrial revolution / *Explorations in Economic History*. Vol. 46. P. 418 – 435.

Kuznets S. (1955). Economic Growth and Income Inequality / *The American Economic Review*. Vol. 45, No. 1. P. 1-28.

Milanovic B, Lindert P., Williamson J. (2011). Pre-Industrial Inequality / *Economic Journal*. Vol. 121, No. 551. P. 255 – 272.

Procopovitch S. N. (1926). The Distribution of National Income / *The Economic Journal*. Vol. 36, Issue 141, 1 March. P. 69 – 82.

Понятие особенного в политической экономии В.Т.Рязанова

Исследуемым в докладе *вопросом* является проблематика особенного в теории выдающегося российского экономиста В.Т.Рязанова, недавно ушедшего из жизни.

Для *решения* этого вопроса исследуются парадигмальные основания (этика) работ учёного, предмет и метод в его теории, основные методологические принципы, на которых строились логические построения В.Т.Рязанова, специфика полученных им выводов, воплощенная в данных им практических рекомендациях.

Результаты:

1. Понятие особенного в экономике в теории В.Т.Рязанова связано с его *этикой*, обращенной к созданию условий для полноценного развития человека. С самого начала реформ в России В.Т. Рязанов отстаивал взгляды, противоположные идеям сторонников экстренной либерализации страны по рецептам МВФ, полагая, что возможны варианты развития, которые привели бы в нашей стране к экономике смешанного типа, в которой лучшие черты социализма можно было бы соединить с оживляющим воздействием конкурентных рыночных принципов. Он высказал мысль о необходимости стратегии построения в нашей стране *экономики постлиберального типа*, поиска «российского варианта планово-рыночной экономики, в котором предстоит найти оптимальное для наших условий сочетание рыночных и государственных методов регулирования экономики, переподчинить экономику целям социального развития и защиты национальных экономических интересов» (Рязанов 1999, с. 126)
2. *Предметом* экономической науки В.Т.Рязанов считал экономические отношения, что предопределило на *методологическом* уровне необходимость разработки концепции антропологического принципа в экономике. Антропологическому принципу в экономике Рязанов уделял особое внимание как началу науки, предопределяющему её идейное, идеологическое, методологическое ядро. Не «человек экономический» неоклассики, а человек во всем богатстве его духовно-нравственных проявлений (множественности отношений с другими людьми) был предметом его анализа. В итоге не ограниченность ресурсов и бесконечный рост

потребностей оказывались в центре его внимания, а в конечном итоге создание условий для всестороннего развития личности.

3. *Метод* исследования, предложенный В.Т. Рязановым, предстает как совокупность исторического и эмпирического методов, применение которых нацелено на «исследование реальной хозяйственной жизни во всей совокупности факторов, условий и ограничений» (Рязанов, 2004а, с. 137). Как отмечал В.Т. Рязанов, эти методы успешно применяются в исторической школе и в институционализме. В этом плане русских теоретиков-народников Рязанов назвал первыми институционалистами в России с точки зрения применяемой ими методологии исследования (Рязанов, 2004, с. 138).
4. Собственно *методологические, философские* изыскания В.Т. Рязанова были тесно привязаны к постоянно осуществлявшемуся им поиску ответа на ключевой вопрос – как обеспечить путь России к экономическому и – шире – социокультурному и цивилизационному процветанию. Обосновывая на онтологическом уровне понятие особого пути российской экономики, учёный на уровне гносеологии предложил свой подход к экономической науке и её началу, предложил и развил понятие истины в экономической науке (Рязанов, 2004 б).
5. Одно из *открытий* В.Т.Рязанова состояло в обнаружении им в истории экономики России, начиная с преобразований Петра I, циклов реформ и контрреформ (Рязанов 1992). Причём реформы порождались прозападно настроенными силами. В качестве ключевого механизма контрреформ срабатывал защитный механизм национального российского хозяйственного архетипа. Для современной политики реформирования это значит, что к культурному коду народа в процессе преобразований экономики надо относиться бережно и не «ломать» его, а развивать для построения самобытной хозяйственной системы страны.
6. В.Т. Рязанову удалось на уровне гносеологии построить *подход*, позволяющий с позиций начала экономической науки и предмета исследования экономической теории обосновать научное направление и университетские учебные курсы (например, университетский курс «Экономический строй России» (Рязанов, 1998, с. 785-789)), нацеленные на определение особого пути экономического развития России как цивилизации Севера (Рязанов, 2019, с. 112 -123), не предполагающего ни автаркии, ни подражания.

7. Теория особенного даёт инструментарий для уточнения уже на методологически выверенной основе теории хозяйственного строя России. Как полагал Рязанов, экономическая теория всеобщего если и имеет познавательную ценность и практическое значение, «то они связаны с описанием одной линии в развитии мирового хозяйства, представленной либерально-рыночной моделью хозяйства западного типа» (Рязанов, 2009. С. 102), в то время как теория особенного «раскрывает многообразие хозяйственных практик в мире» (Рязанов, 2009, С. 104). Российский архетип экономического мышления основан на принципах коллективизма, социальной солидарности, приоритета нравственных ценностей и служения обществу и высшим целям. Соответственно, хозяйству этого архетипа присущи черты многоукладности, государственности, высокой затратёмкости производства, асимметрии в развитии рыночных отношений, ему свойственен особый механизм *распределения* в отношении прибавочного продукта.

8. Эти темы определяют *специфику советов учёного* по реформированию отечественной экономики, разработанных на основе глубокого проникновения в сущность экономических отношений, особенности архетипа российской цивилизации, её исторического пути. Рекомендации В.Т. Рязанова касались и задачи перестройки глобальной экономики, и базировались на сущностном исследовании им процессов глобализации и постглобальной регионализации. Видение России как особой цивилизации Севера позволило учёному сформировать стратегию её полноправного и успешного вхождения в экономику пострыночного типа.

9. Ряд работ В.Т. Рязанова был посвящен разработке *экономической стратегии развития России* (Рязанов, 1998, 1999, 2004 с, 2016, 2019). Стратегия должна была по мысли ее разработчика учитывать своеобразие хозяйственного пути, пройденного Россией, особенности архетипа сознания людей, её населяющих во всем его многообразии, накопленного опыта преобразований, выразившегося в уникальном спектре идей, составлявших специфику школ экономической научной мысли России.

Новизна предлагаемого в докладе подхода выражается в том, что впервые дано комплексное видение логики научного наследия В.Т.Рязанова.

Список литературы

- Рязанов В.Т. (1992). К вопросу о «длинных волнах» экономических реформ в России // Вестник Санкт-Петербургского Университета, Сер. 5, Экономика. Вып. 2. С. 29-44.
- Рязанов В.Т. (1998). Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX-XX в. СПб., Наука. 796 с.
- Рязанов В.Т. (1999). Уроки кризиса и выбор стратегии экономического развития России // Философия хозяйства, №2. с. 103-127.
- Рязанов В.Т. (2004а). Российская школа национальной экономики и её историческое значение // Философия хозяйства, №1 (31). с. 133-152.
- Рязанов В.Т. (2004b). Проблема верификации в экономической теории // Вестник Санкт-Петербургского Университета, Сер. 5, Экономика. вып. 4. С. 3-21.
- Рязанов В.Т. (2004с). Экономическая стратегия России в условиях растущей глобализации мировой экономики // Экономическая теория в XXI веке -2(9): Глобальное и национальное в экономике /под ред. Ю.М.Осипова, В.В.Чекмарева, Е.С.Зотовой. – в 2-х т. Т. 2. – М.: Экономист. 512 с. – С. 569-574.
- Рязанов В.Т. (2009). Хозяйственный строй России: на пути к другой экономике. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского Государственного университета. 463 с.
- Рязанов В.Т. (2016). (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. М.: Экономика. 695 с.
- Рязанов В.Т. (2019) Современная политическая экономия. Перспективы неомарксистского синтеза. СПб., Алетейя.436 с.

К построению общей модели современной рыночной экономики: реконструкция предмета и модернизация метода «Капитала» Маркса

1. В статье академика А.Д. Некипелова (Некипелов, 2019) ставится задача, построения общей экономической теории, обеспечивающей получение целостного знания об экономической системе, дающей представление о внутренних взаимосвязях и соподчинённости её элементов, а также о возможностях её эволюции. Он предлагает использовать метод «от абстрактного к конкретному» Маркса, а в качестве абстрактного предлагает робинзонаду.

2. **Реконструкция предмета.** Построение общей модели вызывает необходимость определения, а если это необходимо, то и уточнения предмета и метода «Капитала» Маркса. Анализ традиционного определения предмета как «отношений в процессе производства, распределения, обмена и потребления жизненных благ». Экономическая энциклопедия (1979) с. 372, показывает, что это только часть производственных отношений. Предмет – капиталистический способ производства **жизни**, т.е. отношения которые опосредуют (вос)производство **жизни**: «В общественном производстве своей **жизни** люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — **производственные отношения**... Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества... **Способ производства материальной жизни** обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» Маркс К. (1959), с.6.

3. **Уточнение метода.** Принято считать, что единственно правильным в научном отношении является метод «восхождения от абстрактного к конкретному». Этот тезис разделяли и развивали философы и экономисты: А.А. Зиновьев (диссертация 1954г.) М.М. Розенталь (монография 1955, перераб. в 1967), Э. В. Ильенков (1960), В. Н. Тихухин (1961) и Л. А. Маньковский (1962), В.А. Вазюлин (1968 г). Критическое отношение к этому тезису мы находим у К.П.Тронева (1975).

Маркс действительно дает эту формулу во «Введении», критикуя метод Гегеля. Но характеристика «правильного» относится ко второму пути политической экономии, а это путь восхождения от простейшего к сложному. Точная формулировка дается через несколько абзацев: «Деньги могут существовать и исторически существовали раньше капитала, раньше

банков... в этом смысле **ход абстрактного мышления, восходящего от простейшего к сложному**, соответствует действительному историческому процессу» Маркс К. (1962), с.39.

«Правильный в научном отношении метод» – это не «восхождение от абстрактного», а «восхождение от простейшего к сложному». Это уточнение имеет принципиальное значение: в отличие от «восхождения от абстрактного к конкретному», движение осуществляется в одной области – в области конкретного и речь идет о восхождении от простого/простейшего **конкретного к сложному конкретному**.

3. Подтверждение метода восхождения от простейшего к сложному мы находим уже во «Введении», где ставится вопрос «... не имело ли место также и независимое историческое или естественное существование этих простых категорий до появления более конкретных категорий?» Маркс К. (1962), с.38 и дается указание на меновую стоимость: «Простейшая экономическая категория, например меновая стоимость... может существовать только как абстрактное, одностороннее отношение некоторого уже данного конкретного живого целого. Напротив, как категория, меновая стоимость ведет допотопное существование» Маркс (1962), с.38. Наконец, в предисловии к первому изданию Капитала Маркс пишет: «Форма стоимости, получающая свой законченный вид в денежной форме, очень бессодержательна и проста. И, тем не менее, ум человеческий тщетно пытался постигнуть ее в течение более чем 2 000 лет...» Денежная форма стоимости – это деньги, которые (по Марксу) существовали более чем 2 000 лет. А деньги – это отнюдь не абстракция. Далее: «товарная форма продукта труда, или форма стоимости товара, есть форма экономической клеточки буржуазного общества» Маркс К. (1960), с.5-6., но экономическая клеточка – это отнюдь не абстракция, а простейшее отношение, имеющее самостоятельное историческое существование, а с другой стороны, являющееся «односторонним (и в этом смысле «абстрактным», - С.А.) отношением некоторого уже данного конкретного живого целого». Маркс К. (1960), с.5-6.

4. Согласование метода «Капитала» с клеточной теорией того времени. Маркс прошел оба пути политической экономии, но не остановился на этом, согласовав свой метод с передовой по тем временам клеточной теорией М. Шлейдена и Т. Шванна (1838-1839) и развитой Р.Вирховым (1858): (1) клетка — конечный морфологический элемент всего живого; (2) процесс образования клеток обуславливает рост, развитие и дифференцировку растительных и животных тканей, (3) «*Omnis cellula ex cellula*»/ «Всякая клетка — из клетки», новые клетки – результат деления клетки, (4) любое живое существо является «клеточным государством» — суммой единиц, каждая из которых содержит всё необходимое для жизни.

Маркс начинает анализ в Капитале не с «огромного скопления товаров», а с «отдельного товара», а еще точнее – с формы стоимости товара как экономической клеточки. Дальнейшие категории – результат деления этой клеточки. В формуле Т – Д, товар представляет собой исключительно потребительную стоимость (вещь с полезными свойствами, удовлетворяющую общественную потребность), а деньги – исключительно стоимость. Деньги (золото) служат «формой существования стоимости», «воплощением стоимости». Стоимость де факто начинает измеряться не собственными единицами (часами, днями ОНРВ, т.е. общественно необходимого рабочего времени), а деньгами. Отсюда ряд проблемных моментов «Капитала», связанных с фактическим отождествлением стоимости и цены: «Цена, качественно отличная от стоимости, — это абсурдное противоречие». Маркс К. (1961), с.389

5. Необходимость согласования метода построения модели капитала с геномикой.

Открытие молекулы ДНК в 1953 году – эпохальное открытие. Организм человека, развившийся всего из одной исходной клетки (зиготы), содержит более 200 различных типов клеток. Каждая клетка организма обладает одинаковым полным фондом генетического материала, т.е. *тотипотентна*, но в разных клетках одни и те же гены находятся в активном, или в репрессированном состоянии. Пример тотипотентности – овечка Долли: молекула ДНК развитого организма, помещенная в исходную клетку (зиготу) взамен существующей, дала клон развитого организма.

Согласование «Капитала» с молекулярной теорией означает, что анализ должен начинаться не с отдельного товара, а с «огромного скопления товаров». А синтез должен начинаться с двух факторов товара - потребительной стоимости и стоимости. Это – минимальный набор факторов – генов, Деление клетки действительно происходит, но ему предшествует репликация. Все новые «клетки»- все категории модели содержат (а) потребительную стоимость, (б) стоимость. Модернизация метода Маркса, согласование метода с геномикой означает переход от клеточного к молекулярному уровню.

6. Конкретный результат – модель современной рыночной экономики, согласованная с геномикой - см. Сорокин А. В. (2020)

Список литературы

Маркс К. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I — М.: Политиздат, 1962.

Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т. 13. — М.: Политиздат, 1959.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. — М.: Политиздат, 1960.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. III // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 1. — М.: Политиздат, 1961.

Некипелов А. Д. (2019) Кризис в экономической науке – природа и пути преодоления. Вестник Российской академии наук, 2019, № 1, с.24-37

Сорокин. А. В. Общая экономика: Бакалавриат. Краткий курс: учебник – Москва - Берлин: Директ-Медиа, 2020. – 242 с.

Экономическая энциклопедия, 1979 • Экономическая энциклопедия «Политическая экономия». Т.3. — М.: Издательство «Советская энциклопедия». 1979.

Классическая политическая экономия и постэкономическое хозяйство

Название «классической» политическая экономия получила, потому, что содержала в себе те основополагающие черты, которые со временем стали типическими для целого ряда экономических учений. Основной чертой классической традиции в экономической науке стал воспроизводственный подход к описанию хозяйственной жизни. Классический взгляд на хозяйство взятое в целом, исторически и логически был первым, заложившим основы теоретического знания в экономической науке.

Классическая политическая экономия, в отличие от, появившейся позже, субъективистской традиции в экономической науке, взявшей за основу своего исследования операционную деятельность отдельного хозяйствующего субъекта, объектом своего анализа взяла процесс создания совокупного продукта общества («богатство народов») общественным образом. Соответственно, воспроизводство совокупного общественного продукта становится сутью и содержанием классической политической экономии. Рыночный механизм в классической традиции всего лишь один из исторических инструментов обеспечения воспроизводственного процесса. Иначе говоря, объект исследования в классической политической экономии по своему охвату гораздо шире задач, чем те, которые решаются в рыночном хозяйстве. Объект исследования в классической традиции экономической науки – хозяйство взятое в целом, вернее его воспроизводственный процесс.

Современный этап развития рыночного хозяйства характеризуется значительными изменениями в направлении его обобществления и институционализации. На смену главному регулятору хозяйственных отношений - рыночному механизму распределения и перераспределения общественного продукта, приходит хозяйство, в котором главным становится механизм планомерного создания и распределения совокупного продукта. Речь идет о превращении рыночного хозяйства в пострыночное хозяйство в котором рынок перестает играть центральную роль.

Очевидно, что появление нового, пострыночного хозяйства связано с преодолением основных черт рыночного «экономизма», господствовавшего в предшествующей эпохе. Действительно, современная экономика все более отчетливо демонстрирует нам процессы деструкции рынка и института частной собственности – то на чем строилось экономическое общество. Качество современных хозяйственных отношений подводит к моменту перелома в

развитии экономики. Высокая степень «рыночности» перерастает в свою противоположность – нерыночное хозяйство, в котором эффективность все больше становится в зависимость от планомерных отношений в создании совокупного продукта общества.

Сужение поля действия конкурентных рыночных законов. Рыночная экономика как историческая форма хозяйства решает проблему удовлетворения потребностей человека в границах платежеспособного спроса. Возможность присвоения части совокупного продукта каждым членом сообщества ограничивается его платежеспособностью. Но, конкурентный рынок, ориентированный на обеспечение, платежеспособного спроса, в его «чистом» виде не в состоянии уже решать задачи оптимизации долгосрочных структурных сдвигов в экономике, т.е. решение задач общественного воспроизводства.

Решение проблем удовлетворения неплатежеспособного спроса в современном хозяйстве все больше берут на себя различные общественные фонды и государственные институты, которые осуществляют распределение и перераспределение совокупного продукта, но уже нерыночными методами.

Изменение механизма взаимосвязи производства и потребления. Рыночный механизм свободной взаимосвязи производителя и потребителя претерпевает существенные изменения. Индустриальное производство однородной продукции в массовых масштабах на рынок неизвестного потребителя, сменяется производством все более индивидуализированной продукции специального назначения. Идеология рыночного производства на неизвестный рынок, сменяется идеологией адресного производства на известный рынок (производство на заказ потребителя). Потребительная ценность «товара» формируется уже на стадии производства, что способствует усилению плановых начал в производственной деятельности и ограничению сферы действия стихийных рыночных сил. Адресное производство означает реальное появление власти над ценами, издержками; власти над рынком и ограничение действия его законов. Рыночная экономика постепенно подходит к такому состоянию, когда становится необходимым информационные институты, определяющие потребности и возможности производства.

Цена - общественный норматив. С изменениями рыночного механизма происходит модификация ценообразования. Современная экономика все более отчетливо демонстрирует процесс нарастания значения нормативных факторов ценообразования. На формирование цены помимо рыночных факторов (со стороны спроса и предложения) оказывается воздействие нерыночные факторы, имеющие нормативную природу.

На уровень цен оказывает воздействие административные, законодательные нормы, регулирующие экономическую и общественную жизнь. Нормативы, вбирают в себя все актуальные экономические и институциональные обстоятельства состояния хозяйства.

Модификация ценообразования в современной экономике приводит к тому, что цена все больше становится неким общественным нормативом, который обеспечивает распределение ресурсов и доходов в хозяйстве. Цены формирует экономическая политика государства, которая через налоговую систему оказывает влияние на уровень цен (налоговые вменения, норма прибыли, акцизы, НДС, нематериальные активы, социальные отчисления и т.д.). Возрастает роль нематериальных издержек (информации, интеллектуальной собственности, патентов, лицензий и т.д.). Возрастает доля и значение невоспроизводимых благ, не делимых от их создателя (голос, руки пианиста и т.д.). Ценообразование все больше приобретает рентный характер. Происходит модификация товарной формы продукта. Распространение получает общественное благо (информация, социальные и экологические блага), к которым не всегда применимы законы рыночного ценообразования.

Деструкция частной собственности. Следующая за экономической, постэкономическая эпоха, характеризуется преодолением отношений частной собственности. Преимущества частной собственности как единственного механизма повышения эффективности использования капитальных средств перестают быть очевидными. Появление различных современных форм корпоративных (акционерных), смешанных форм собственности придает ей черты общественной.

Фактическое получение части общественного продукта участниками общественного производства происходит вне зависимости от титула собственности на активы. Современное общественное производство все в большей степени создает условия для социально нормированного присвоения результатов общественного производства. Общественный характер деятельности, общественные приоритеты, цели и т.д. становятся определяющими.

Признаки постэкономического общества. Высокая степень координации участников общественного производства, предполагает высокий уровень обобществления производства и планомерность взаимосвязи производителей и потребителей. Рынок перестает быть единственным и решающим механизмом взаимосвязи между производством и потреблением. Происходит модификация рыночного механизма распределения и перераспределения ограниченных ресурсов в обществе. Появляются институты регулирования, нормирования меновых отношений в экономике. Происходит деструкция института частной собственности. А

вместе с изменениями в хозяйственной жизни происходят и изменения в общественной жизни: социализация целей и мотивов экономического развития; ориентация на повышение качества жизни всех членов общества.

О кризисе неоклассической теории и альтернативах

1. Обсуждения кризиса ведутся давно. Например, еще в 2002 г году были опубликованы материалы обсуждения этой темы в МЭИМО (2002). Отмечались отдельные проявления кризиса: абстрактность и умозрительность экономических моделей, их неverifiedируемость, избыточная математизация в ущерб теоретическому содержанию и др. Позже критика усиливалась и прибавлялись более существенные претензии, например, ослабление прогностической функции. Экономической науке вообще и экономической теории, в частности, вменялось, что не был предсказан кризис 2008, появление криптовалют, крах крупнейших компаний (LTCM). Наука обвинялась и в том, что не успевает осмыслить такие глобальные феномены как греческий кризис, международный терроризм, Интернет и соцсети. Возникли претензии и на инструментальном уровне в связи с тем, что наука не может подтвердить универсальную эффективность даже таких правильных механизмов как аукционы. И в тех областях, где теория традиционно использовалась для обоснования экономической политики: макроэкономика, налоговая политика, банковское и финансовое регулирование, — она оставляет основания для дебатов, а нередко и сама их порождает. Приведенную критику можно назвать внутренней, поскольку исходила из самой неоклассической теории и была мотивирована заботой о судьбе Мейнстрим. Предлагались альтернативные концепции, исходящие из недр неоклассики и ею же ограниченные в методологии и теоретических основах. Поиск был направлен и на пограничные исследования, которые претендовали на статус экономической теории. В этой связи наиболее заметной оказалась теория поведенческой экономики. Она заслуживает особого внимания, поскольку не только зарубежные, но и некоторые отечественные экономисты проявили склонность считать ее новым этапом в развитии экономической теории Никифоров , Антипина (2016), с.101. Возможно, решающую роль в столь высокой оценке сыграло присуждение Р.Талеру Нобелевской премии по экономике в 2017 году. В поддержку теории поведенческой экономики высказывались пожелания «чтобы эта дисциплина стала полноправной областью исследований в одном ряду с макроэкономикой, эконометрикой, экономикой труда» Белянин (2018). Высокие оценки и ожидания изначально разделялись не всеми. С частности, А.В.Белянин обращает внимание на то, что «пока есть только отдель-

ные концепции и модели...которые пока не складываются в систему...С помощью идей поведенческой экономики уточняется содержание вспомогательных гипотез традиционной теории». Белянин А.В. (2018), с.7-8. Теории поведенческой экономики и иным теориям, уточняющим содержание вспомогательных гипотез не отказывается в возможности интегрировать в общую экономическую теорию все ценное, что находилось на периферии уже признанной теории. Но периферийные теории, в том числе и созданные в недрах школ бизнеса (поведенческая экономика), едва ли могут претендовать на альтернативу Мейнстрим или на этап ее развития. Попытки вдохнуть новую энергию в увядающий организм неоклассики не затрагивают вопроса о современном потенциале его базовых принципов или «твердого ядра».

2. Рассмотрение прочности «твердого ядра» неоклассики предполагает переход к внешней критике. Методологический индивидуализм как фундамент неоклассической теории стал господствовать после схода с исторической арены плановой экономики и политической экономики, как ее теоретической основы. Однако в последние десятилетия основное течение все больше покрывается трещинами. В период вирусной пандемии методологический индивидуализм проявил себя переходом в эгоизм, откатываясь в цивилизационном развитии. США обратились с критикой ВОЗ за то, что она оказывала помощь Китаю за средства средств, внесенных США. Раньше с тех же позиций атаковались другие международные организации: ВТО и даже ООН. На других уровнях произошел взлет спекулятивных цен на средства защиты и борьбы с вирусом, продовольственные товары; организация производства контрафактных средств; мошенничества, в том числе и медицинского характера. Актуализируется вопрос о социально – экономических пороках экономики и общества на уровне его базовых ценностей.

3. На фоне стремительного развития производительных сил, содержащих высокий интеграционный потенциал, особенно на основе цифровых технологий, принцип методологического индивидуализма утрачивает свой потенциал, привлекательность и цивилизационную перспективность.

3. Актуализирован общественный запрос на разработку моделей общественного развития, альтернативного современному Мейнстриму. В литературе множится количество альтернативных подходов и идей. Назовем лишь некоторые из них: смена технологических укладов Глазьев (2016); четвертая промышленная революция Шваб (2017); теория солидаризма Кошкин, Беляев (1); ноономика Бодрунов (2019).

Каждый из подходов имеет свой смысл и позитивное содержание. В частности, С Бодрунов и С.Глазьев разрабатывают технологическую основу новой экономики, но в тени остается социально – экономическая сторона предлагаемых альтернатив. С. Беляев и В. Кошкин основное внимание уделяют проблемам собственности, распределения, но в тени остаются технико-экономические проблемы. Новые подходы, претендующие на альтернативы, не затрагивают «твердого ядра» неоклассической теории. Но этого требует парадигмальный уровень развития экономической теории. Здесь тоже требуются новые подходы. Предварительно назовем идею «социализированного индивида». Ее суть состоит в выстраивании системы экономических и иных общественных отношений не на противостоянии и борьбе, а на объединении и сотрудничестве

Экономический тип социального индивида альтернативен методологическому индивидуализму. Благополучие каждого индивида, работающего в компании, зависит от благополучия всей компании, которое достигается усилиями отдельных индивидов, но не только. Во-первых: в компании индивиды объединены в сложную надындивидуальную структуру, определяемую особой технотструктурой. От эффективности последней зависит благополучие всех отдельных работников, максимизирующих индивидуальную полезность. Во-вторых: эффективность и благополучие отдельных компаний существенно зависит от макроэкономической ситуации (инфляция, валютный курс и др.), от институциональной среды, экономической политики. Переворачивается пирамида соотношения индивидуального и общественного. Основание и обоснованное меняются местами.

В природе человека заложено и индивидуальное, и социальное. Социализация на основе новой технотструктуры составляет, в свою очередь, пространство для более широкого развития индивида. Диалектическое развитие социализированного качества индивида, как нам представляется, может послужить социально экономическим дополнением новой технологической революции. Наступление четвертой промышленной революции своим неизбежным следствием будет иметь существенное изменение общественных отношений в рамках национальной экономики и в глобальном масштабе. Тем самым открывается новое пространство для опережающих социально-экономических исследований.

Литература

Беляев С, Кошкин В. (2020) России нужна смена социально-экономического курса. «Может ли быть экономика солидарной», журнал «Эксперт», N 14(1158). N 15(1159)

Белянин А. (2018) Ричард Талер и поведенческая экономика: от лабораторных экспериментов к практике подталкивания. (Нобелевская премия по экономике 2017 года). Вопросы экономики. №2

Бодрунов С.(2019) Общая теория ноономики /Учебник/ – М.: Культурная революция.

Глазьев С. (2016). Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии // Экономика и математические методы. № 2

К вопросу о так называемом «кризисе» экономической науки» (2002) Материалы теоретического семинара МЭИМО.

Никифоров А, Антипина О. (2016) Поведенческая экономика: на пути к новому синтезу. Вопросы экономики. №12 с.101

Шваб К. (2017) Четвертая промышленная революция. Перевод с английского. М.: Издательство «Э»

Политическая экономия клиентелизма: теоретико-игровой подход

В последние десятилетия особый интерес политологов и экономистов вызывает проблема политического клиентелизма, который представляет собой систему взаимоотношений между политиками, избирателями и посредниками по поводу обмена электоральной поддержки на какие-либо блага или услуги. За это время появилась обширная литература, посвященная недобросовестным методам увеличения поддержки на выборах, таких как покупка голосов (обмена голосов на деньги, товары) и патронаж (обмена голосов на занятость). Такие инструменты клиентелизма стали объектом изучения во многих теоретических и эмпирических работах (например, Dixit and Londregan, 1996; Persson and Tabellini, 2000; Rosas et.al, 2015; Frye et al., 2014; Mares and Zhu, 2015). Но, стоит заметить, что в большинстве исследований патронаж, покупка голосов и другие методы рассматриваются изолированно. Однако на практике политики и политические партии (или как принято называть в данной литературе «политические машины» или «патроны»), как правило, опираются на несколько инструментов одновременно. Так, например, Bratton (2008) показывает сосуществование покупки голосов и угроз применения физического насилия на выборах в Нигерии. Также недавние работы (Frye et al., 2018; Mares et al., 2018), посвященные выборам в Восточной Европе, демонстрируют, что политики используют несколько стратегий клиентелизма, в частности покупку голосов и угрозы увольнений или невыплаты премий работникам. Почему же политические машины используют несколько инструментов одновременно? Первый ответ на этот вопрос: для различных категорий избирателей необходимы различные стратегии со стороны политиков. Gans-Morse et al. (2014) утверждают, что политики предпочитают покупать явку на избирательные участки своих сторонников и приобретать голоса или неявку избирателей, которые поддерживает оппозицию. Кроме того, Mares and Young (2018) замечают, что политики используют позитивные и негативные стимулы, потому что они дополняют друг друга. Так, например, избегающие риска избиратели с большей вероятностью проголосуют за патрона, когда им до выборов предоставляют доступ к некоторым благам или услугам, таким как кредит с более низкой ставкой, трансферты от государства и т.д., а затем во время выборов угрожают все это забрать в случае голосования за оппозицию. Rosas et.al (2015) считают, что политики предоставляют общественные блага населению для увеличения

числа своих сторонников, а затем, непосредственно во время голосования используют частные блага (в виде денег, лекарств, еды и т.д.) как стимулы для получения желаемой явки.

Наша работа предлагает альтернативное объяснение, почему политические машины используют несколько стратегий увеличения электоральной поддержки. Мы представляем модель политической конкуренции, где перед выборами политик (политическая машина, патрон), находящийся у власти, решает какой объем государственных инвестиций в частный сектор стоит сделать. Государственные инвестиции увеличивают производительность (доходы граждан) в частном секторе. Политическая машина ценит доход в частном секторе только, как источник будущих налоговых доходов. Во время выборов оба политика предлагают гражданам в качестве своей экономической программы ставку подоходного налога в частном секторе. Однако политическая машина также использует патронаж и нанимает посредника для покупки голосов граждан, занятых в частном секторе.

Описанная модель продолжает анализ Robinson and Verdier (2013), где показано, что патронаж является причиной снижения государственных инвестиций в частный сектор. В нашей работе существуют два дополнительных механизма, которые приводят к неоптимальному уровню инвестиций с точки зрения общества. Во-первых, поскольку более низкому уровню инвестиций соответствует более низкий уровень дохода в частном секторе, сокращение вложений государства в частный сектор увеличивает предельную полезность денег для граждан. Это дает возможность политической машине купить большее количество голосов, а значит увеличить свои шансы победы на выборах. Во-вторых, более высокие шансы победы на выборах дают стимул посреднику прилагать больше усилий. Причина этому более высокий ожидаемый выигрыш от усилий. Однако, вместе с тем, снижение государственных инвестиций означает меньший объем налоговых доходов бюджета, т.е. снижается выигрыш от переизбрания. Таким образом, для политика, находящегося у власти, упущенные налоговые доходы являются альтернативными издержками получения дополнительных голосов.

Заметим, что патронаж и покупка голосов дают одинаковые стимулы (сокращений инвестиций) патрону, поэтому использование двух инструментов одновременно сокращает альтернативные издержки в расчете на один голос. Проиллюстрируем это на примере. Рассмотрим сначала ситуацию, где используется только патронаж. Предположим, что снижение инвестиций в частный сектор на 1 доллар приводит к уменьшению налоговых доходов на x долларов, а количество собираемых голосов с помощью патронажа увеличивается на q . Сле-

довательно, альтернативные издержки приобретения одного голоса с помощью патронажа $\frac{x}{q}$. Теперь, рассмотрим случай, где единственный инструмент - это покупка голосов (патронаж не используется!). Пусть сокращение вложений в частный сектор на 1 доллар ведет к падению налоговых доходов на y долларов, но увеличивает электоральную поддержку на w голосов. Альтернативные издержки приобретения одного голоса равны $\frac{y}{w}$. Наконец, предположим используются два инструмента. Тогда политическая машина может получить $w + q$ голосов от снижения инвестиций на 1 доллар, в то время как поступающие в бюджет налоги сократятся на x долларов (на ту же сумму, что и в случае использования только патронажа). Поэтому, альтернативные издержки $\frac{x}{w+q}$, что очевидно меньше чем $\frac{x}{q}$ и $\frac{y}{w}$, соответственно. Таким образом, клиентелизм становится менее затратным (в терминах упущенных налоговых доходов) для политика, находящегося у власти, когда он использует два инструмента вместо одного.

Проведённый нами анализ сравнительной статистики показывает, что привлекательность нахождения у власти дает стимулы сокращать инвестиции в частный сектор. Более того, этот эффект сильнее, когда политик использует два инструмента вместо одного.

В своей работе мы исследуем несколько расширений модели. В частности, мы рассматриваем случай, где избиратели принимают решения более взвешенно (по сравнению с классической вероятностной моделью голосования), а именно, с учетом вероятности победы политической машины на выборах. В такой ситуации покупка голосов и патронаж усиливают друг друга, поскольку использование двух инструментов делает избирателей более уверенными в победе патрона, а значит и в получении обещанных благ после выборов. Это негативно влияет на стимулы по развитию частного сектора.

Также мы рассматриваем ситуацию, где оба политика могут использовать инструменты клиентелизма. Здесь стимулы снижать инвестиции в частный сектор у политика, находящегося у власти меньше, в силу того, что сокращение инвестиций создает положительную экстерналию для соперника.

Представленный в нашей работе анализ делает вклад в нескольких направлениях изучения клиентелизма. Во-первых, проведенный анализ дает новое объяснение, почему политики полагаются на несколько инструментов клиентелизма. Во-вторых, в модели отражается связь между развитием страны (в виде производительности частного сектора) и институтами клиентелизма. И, в-третьих, мы показываем взаимодействие между политической

машиной и посредником, посредником и избирателями, а также влияние снижения инвестиций на действия посредника.

Список литературы:

- Bratton M. (2008) Vote Buying and Violence in Nigerian Election Campaigns // *Electoral Studies* 27(4): 621–632.
- Dixit A. and Londregan J. (1996) The Determinants of Success of Special Interests in Redistributive Politics // *The Journal of Politics* 58(4): 1132–1155.
- Frye T., Reuter O. and Szakonyi D. (2014) Political Machines at Work Voter Mobilization and Electoral Subversion in the Workplace // *World Politics* 66(2): 195–228.
- Frye T., Reuter O. and Szakonyi D. (2018) Hitting Them With Carrots: Voter Intimidation and Vote Buying in Russia // *British Journal of Political Science*: 1-25.
- Gans-Morse J., Mazucca S. and Nichter S. (2014) Varieties of Clientelism: Machine Politics During Elections // *American Journal of Political Science* 58(2): 415–432.
- Mares I. and Zhu B. (2015) The Production of Electoral Intimidation, Economic and Political Incentives // *Comparative Politics* 48(1): 23–43.
- Mares I. and Young L. (2016) Buying, Expropriating, and Stealing Votes // *Annual Review of Political Science* 19(1): 267–288.
- Mares I. and Young L. (2018) The Core Voter's Curse: Clientelistic Threats and Promises in Hungarian Elections // *Comparative Political Studies* 51(11): 1441-1471.
- Mares I., Muntean A. and Petrova T. (2018) Economic Intimidation in Contemporary Elections: Evidence from Romania and Bulgaria // *Government and Opposition* 53(3), 486-517.
- Persson T. and Tabellini G. (2000) *Political Economics: Explaining Economic Policy*. Cambridge: MIT Press.
- Robinson J. and Verdier T. (2013) The Political Economy of the Clientelism // *The Scandinavian Journal of Economics* 51(2): 260–291.
- Rosas G., Johnston N. and Hawkins K. (2015) Local public goods as vote-purchasing devices? Persuasion and mobilization in the choice of clientelist payments // *Journal of Theoretical Politics* 26(4): 573–598.

Институт Аграрной Экономики и Устойчивого развития Сельских Территорий Федерально-
го Исследовательского Центра Санкт-Петербургский научный центр Российской академии
наук, Санкт-Петербург

Какие производственные отношения в России препятствуют развитию производительных сил

В докладе анализируется факт стагнации экономического развития России примерно с 2010 года и то, что государственная экономическая политика до сих пор не позволяет справиться с этой стагнацией, исследуются причины этого явления.

Мировая экономика довольно быстро растет с 2009 года, причем как при снижении, так и росте цен на топливо. В среднем, по сравнению с 2008 годом, прирост ВВП к 2018 году составил в мире 39%, у развитых стран – 15,5%, у развивающихся – 61,5%, а в России – 8,4%. Это своего рода негативный рекорд. Для сравнения: за эти годы ВВП Белоруссии вырос на 15,3%, Азербайджан – на 22,7%, Казахстан – на 49,1%. Показано, что эта стагнация не может быть полностью объяснена ни санкциями, ни динамикой цен на нефть и газ.

Мы показываем, что в данном случае это связано с негативным влиянием производственных отношений на производительные силы. В связи с этим подробно исследовано противоречие между производительными силами и производственными отношениями и механизм их взаимодействия на локальном и общественном уровнях. Констатируется двойное влияние изменений производительных сил: 1) на производственные отношения на локальном уровне (на предприятии, в отрасли, в регионе) и 2) постепенно накапливаемое влияние на производственные отношения в масштабах всего общества, которое частично оформляется, формализуется в экономической деятельности государства. Также мы имеем и обратное двойное влияние производственных отношений на изменения в производительных силах: локальные изменения в производственных отношениях (на уровне предприятий и групп предприятий) влияют на динамику развития производительных сил, а также изменения на уровне всего общества в виде законодательной и регулирующей деятельности государства и его крупных подразделений.

Показано, что производственные отношения в ряде секторов экономики страны и соответствующие группы интересов действительно противостоят развитию производительных сил.

Прежде всего, имеются в виду противоречия между интересами экспортно-добывающего и обрабатывающего секторов экономики. Первый имеет довольно высокую рентабельность, второй в основном работает на внутренний рынок и поэтому его рентабельность существенно ниже. В 2017 и 2018 годах рентабельность активов добычи полезных ископаемых составляла 10,4% и 15,6%, соответственно, а рентабельность обрабатывающих производств 4,4% и 5,5%. Эти два сектора конкурируют за государственные и иные инвестиции и экономическую поддержку, и в этой конкуренции обрабатывающий сектор проигрывает. Основные производственные фонды (ОПФ) в добывающем секторе за те же годы превосходили ОПФ обрабатывающих производства на 26,2% и 29,5%, соответственно, при том, что численность занятых в добывающем секторе в 9 раз меньше, чем в обрабатывающих производствах. Это означает, что в добывающем секторе фондооснащенность одного работника в 11,3-11,4 раза больше, чем в обрабатывающем секторе. Коэффициент обновления основных фондов в добывающем секторе также существенно выше, чем в обрабатывающем (в 1,5 раза за указанные годы).

Экспортно-добывающий сектор настолько богат, что для него выгоднее покупать готовые западные инновации вместе с технологиями и оборудованием, чем вкладываться самостоятельно в рискованные собственные инновации, серьезно поддерживать отечественную отраслевую и академическую науку, за редкими исключениями явно выгодных вложений. Средств на покупку зарубежных инноваций у ресурсного сектора достаточно.

А для большинства отечественных обрабатывающих отраслей, существенно отстающих от передовых стран по производительности труда и эффективности производства, как правило, экономически более выгодно в данный период закупать готовые зарубежные инновации (даже если они и не самые передовые), чем вкладываться самому в рискованные проекты, связанные с научными разработками. Поэтому они не заинтересованы пока в собственных вложениях в науку и качество образования (хотя, конечно, есть отдельные примеры высокотехнологичных и эффективных обрабатывающих производств).

Получается неочевидное противоречие. Для того чтобы создавать эффективные инновации, надо иметь развитую и конкурентоспособную многоотраслевую науку (прикладную и фундаментальную). Для этого требуется ее постоянно финансово поддерживать, обеспечивать приоритет в заработной плате и финансировании. Но реальную пользу это сможет приносить лишь в том случае, если в данной стране уже есть конкурентоспособная на мировом уровне промышленность, конкурентоспособная экономика. Если таких отраслей сравнитель-

но немного (как в России), то поддерживать широкий комплекс научных исследований для государства и бизнеса становится на достаточно длительный период невыгодно.

В этом состоит «ловушка среднего уровня развития»: для скачка со среднего уровня на высший требуются большие вложения в науку, но для большинства отраслей эти вложения пока невыгодны и/или неподъемны. Для них выгоднее покупка готовых зарубежных инноваций, которые как раз и консервируют отставание этих отраслей и задержку их в лучшем случае на прежнем среднем уровне.

Преодолеть эту «ловушку среднего уровня развития» можно только с помощью долгосрочной государственной политики. Этого требуют долгосрочные интересы общества и, прежде всего, интересы трудящихся, которые более всего страдают от отсутствия высоких темпов экономического развития и роста производительности труда во всей экономике. Но, во-первых, и среди трудящихся есть разные отряды. Некоторым из них выгоден экспорт огромных объемов ресурсов. Во-вторых, государство находится, в том числе, под давлением тех групп, которые заинтересованы в приоритетном развитии экспортно-ресурсного сектора и для которых развитие фундаментальной науки в лучшем случае бесполезно, а в худшем несет угрозу потери влияния на решения государства и соответствующих источников ренты.

Таким образом, в силу сложившихся условий производственные отношения в ряде секторов экономики и соответствующие группы интересов действительно противоречат развитию производительных сил. Отсюда – и торможение развития производительных сил такими производственными отношениями. Негативная ситуация существенно усугубляется тем, что фактический монополизм одной партии в стране дополняется монополизмом представительства одного лишь направления экономической науки (назовем его ресурсно-рыночный либерализм) в управляющих органах страны.